

**Формирование основ режима «государственного социализма». Правительство
Д.Торо
(июнь 1936 г. – июль 1937 г.).**

Сразу же после прихода во дворец Кемадо, резиденцию президента страны, военные стали развивать идеи перестройки всего общества на принципиально новых основах. В первую очередь предстояло решить серьезные экономические проблемы, доставшиеся новому режиму в наследство от старой власти. На момент прихода к власти Д.Торо страна находилась на грани экономической пропасти. Во время войны правительство прибегало к заимствованию внутри страны и за рубежом; долги достигли астрономической суммы в 1.700.000.000 боливиано. Только выплаты по процентам внешнего долга составили 400 млн боливиано в год.³⁴³ В стране бушевала инфляция. Рост цен больно ударил не только по городским низам, рабочему классу, но и по средним, достаточно благополучно существовавшим до этого, слоям населения. Все надежды народа на улучшение положения были связаны с обещаниями Д.Торо переломить негативные тенденции в экономике и найти выход из кризиса.

Экономическая политика правительства Д.Торо.

С приходом к власти военные-социалисты заявили о новой экономической политике, целью которой было построение общества социальной справедливости. Одной из первоочередных задач правительства стало обеспечение населения продуктами первой необходимости. Широта и размах забастовочного движения в апреле-мае 1936 г. заставили военное правительство обратиться к проблемам сдерживания скачкообразного роста цен и сохранения уровня жизни населения. В течение июня, августа и сентября 1936

³⁴³ Klein, H S. David Toro and the Establishment of “Military Socialist” in Bolivia // HANR.1972. vol.14, No.1. P.51

г. Д.Торо издал несколько законов против спекуляции и установил субсидии продовольственным магазинам.

19 августа 1936 г. были созданы Комитеты борьбы со спекуляцией. Декрет от 20 июня 1936 г. запрещал устанавливать торговые надбавки на предметы народного потребления выше 12%.³⁴⁴ Правительство ввело карточную систему и фиксированные цены на продукты питания, что нашло большую поддержку среди народных масс, но одновременно привело к дефициту товаров на рынке. Антиспекулятивный комитет регулярно публиковал списки фиксированных цен, а также с помощью созданной коммерческой полиции следил за выполнением своих распоряжений. Кроме того, был опубликован перечень товаров, импорт которых в Боливию был временно запрещен. Речь шла о предметах роскоши или «узкого круга потребления». В этот список попали такие товары как пианино, бильярд, деревянный паркет, кожаные сумки и тому подобное³⁴⁵. Ограничительные административные меры не могли преодолеть трудности в обеспечении товарами, не остановили роста цен и разрастания черного рынка. Левая пресса призывала «растреливать спекулянтов, как это делают в СССР с врагами народа»³⁴⁶. Министерство торговли пригрозило высылать из страны всех торговцев-иностранцев, занимающихся спекуляцией (речь шла, конечно же, о появившихся еврейских иммигрантах из Европы, для которых высылка из страны реально представляла большую угрозу)³⁴⁷.

Запретительные меры и драконовские постановления не могли ликвидировать невероятно разросшийся черный рынок. Газеты признавали, что все дефицитные товары уходили к спекулянтам. Помещики, поставщики сельскохозяйственной продукции припрятавали продовольствие, чтобы не продавать его по низким фиксированным ценам. Правительство в сентябре 1936 г. стало всерьез планировать армейские операции по поиску укрываемого продовольствия в поместьях и общинах³⁴⁸.

В связи с нехваткой товаров первой необходимости из-за падения импорта правительство Д.Торо создало министерство сельского хозяйства, на которое возлагались некоторые надежды по приросту поставок продуктов питания местного производства. В 1936 г. правительство создало Совет по развитию зернового хозяй-

³⁴⁴ Anuario administrativo de 1936. Vol. 1. La Paz, 1937. P.1028.

³⁴⁵ El Diario. 10.09.1936.

³⁴⁶ La Calle. 14.10.1936.

³⁴⁷ El Diario. 04.03.1937.

³⁴⁸ El Diario. 12.09.1936.

ства, в задачу которой входила ликвидация острой нехватки хлеба на внутреннем рынке.³⁴⁹

Правительство предпринимало конкретные действия для облегчения положения народных масс. В июне 1936 г. были созданы «Дома обеспечения», то есть сеть государственных магазинов, призванных заменить собой частную торговлю товарами первой необходимости. Принимаемые защитные меры смогли на некоторое время смягчить удар кризиса по беднейшим слоям населения. Соцпартия приветствовала создание государственных магазинов, так как видела в этом осуществление «социалистической» программы хунты, в которой важное место занимала идея «государства-предпринимателя». Напротив, эта мера вызвала шквал критики со стороны правых газет и партий, увидевших в них угрозу свободе торговли и частному предпринимательству³⁵⁰. Все эти новшества объяснялись новым направлением в экономической политике – созданием основ для госкапитализма. Государственное регулирование цен, да и всей ситуации на потребительском рынке становилось основным инструментом экономической политики.

В течение всего года, пока Д.Торо находился у власти, экономическое положение только ухудшалось. Наибольшее беспокойство вызывали финансы и стабильность национальной валюты. Обесцененный в годы войны в 10 раз боливиано продолжал стремительно катиться по наклонной плоскости. За год правления Д.Торо боливиано «потерял в весе» 20 % (со 160 боливиано за 1 фунт стерлингов до 200 боливиано).³⁵¹ Экономические эксперты Д.Торо предложили установить дифференцированные курсы обмена валют и льготного режима для импортеров продовольствия, что могло бы сдерживать рост цен.

Экспортеры были вынуждены продавать часть валюты государству по заниженному курсу. Импортеры же продовольствия могли покупать «дешевую» валюту, что, по идее военных, должно было сдерживать рост цен на розничном рынке. Эта мера встретила ожесточенную критику горнорудных монополий, не желавших делиться своими доходами во имя поддержания жизненного уровня населения. Валютный кризис ставил непреодолимые препятствия для поставок импортного продовольствия в города. Все эти факторы заставляли правительство лихорадочно искать дополнительные источники поступления валюты. Социалисты предложили

³⁴⁹ ECLA. Development of Agriculture in Bolivia. 4th session, Mexico. 28 may. 1951. New York, 1951, P.32.

³⁵⁰ El Diario. 13.05.1937.

³⁵¹ Diaz Machicao, P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla, P.50.

правительству проект налоговой реформы, модернизовавшей устаревшую систему пополнения бюджета исключительно за счет налогов и торговых пошлин. Их предложения предусматривали дифференцированное обложение прибыли и ренты³⁵². Правительство же пошло по проверенному пути изъятия части прибыли горнорудных компаний через систему заниженных обменных курсов.

Компания Патиньо обращала внимание правительства на резкое снижение доходности своих рудников. В письме на имя Д.Торо представитель корпорации отмечал: «В течение 1936 г. правительство Боливии получило от компании в качестве налогов и в обмен от продажи валюты сумму в 696.275 фунтов стерлингов и 4.400.000 боливиано при том, что акционеры получили от всех рудников в Боливии не более 30.360 фунтов стерлингов. К этому следует добавить тот факт, что получаемые боливиано не могут конвертироваться в валюту и передаваться зарубежным держателям акций. Наши рудники работают на государство, а не на акционеров»³⁵³. Правая пресса, представляя интересы горнорудных монополий - основных экспортеров, постоянно требовала ликвидации различий в валютном режиме для отдельных отраслей и установления единого обменного курса³⁵⁴. Правительство строго держалось системы дифференцированных обменных курсов. Однако эта мера не смогла обеспечить решение проблемы падения стоимости национальной валюты и оплаты импорта продовольствия. Спекуляции окончательно расстроили финансовый рынок, а разница курсов обмена привела к полной неразберихе.

Горнорудная промышленность продолжала испытывать серьезные трудности. Для поддержки мелких и средних владельцев рудников в январе 1937 г. был создан Горнорудный банк, скупавший у них минералы³⁵⁵. Ассоциация горнопромышленников отказалась прислать своего представителя в Совет администрации банка, выражая тем самым несогласие с проводимой политикой государственного вмешательства в сферу торговли рудой³⁵⁶.

29 августа 1936 г. под председательством министра финансов Ф.Камперо Альвареса начала заседать комиссия, в которую вошли представители горнорудных компаний, банков и торговли. В её

³⁵² La Calle. 02.12.1936.

³⁵³ Письмо Патиньо Майнз – Д.Торо от 4 июня 1937 г. – ANB.PG.1937. C.13. T.153 (PG7543).

³⁵⁴ El Diario. 19.10.1936; 26.01.1937; 02.07.1937; 04.07.1937.

³⁵⁵ El Diario. 08.04.1937.

³⁵⁶ Отчет министерства горнорудной и нефтяной промышленности от 24 октября 1936 г. - ANB.PG.1936. C.12. T.127 (PG7250).

задачу входила разработка комплексных мер по выводу экономики из кризиса. Надежды на улучшение положения были связаны исключительно с оптимистическими прогнозами положения на мировом рынке олова³⁵⁷. Боливия оставалась членом Комитета олова, который связывал её определенными обязательствами по ограничению производства и экспорта. С начала 1937 г. началось некоторое оживление рынка: выросли цены и увеличился спрос на олово, что позволило Комитету ослабить ограничения производства.³⁵⁸

В конце 1936 г. появился новый фактор в политике в отношении олова: США стали создавать свои запасы стратегического сырья. Боливийцы ухватились за это обстоятельство и начали переговоры с США о прямых поставках руды, что могло разрушить всю систему контроля над рынком олова, созданную Комитетом. Правительство Д.Торо действовало осторожно и не сразу отреагировало на привлекательное предложение американцев, так как опасалось санкций со стороны Комитета и политического противодействия со стороны Патиньо внутри страны.³⁵⁹ США были заинтересованы в нарушении ограничений, установленных Комитетом и толкали к этому правительство Д.Торо, которое отчаянно нуждалось в увеличении экспорта для получения валюты.

В ноябре 1936 г. Д.Торо встретился с послом США в Боливии, с которым велись переговоры о поставках олова в США по межправительственному соглашению и о строительстве там оловоплавильного завода, специально сориентированного на боливийскую руду. Д.Торо заявил послу, что действует с согласия Арамайо, и Боливия хотела бы иметь гарантии со стороны США в случае конфликта с Патиньо.³⁶⁰ Ввиду нарастания угрозы европейской войны США с большим интересом отнеслись к предложениям Боливии и расширили рамки переговоров, предполагая подписать широкое торговое соглашение.

Д.Торо согласовывал свою экономическую политику с К.В.Арамайо, с которым поддерживал дружеские, сердечные отношения. У Арамайо были серьезные трения с Патиньо по вопросу распределения квот и выплавки олова из боливийской руды. Дело в том, что Патиньо контролировал оловоплавильное производство в Англии, а Арамайо, мощь которого выросла за годы мирового кризиса, был заинтересован в переориентации потока боливийско-

³⁵⁷ El Diario. 01.09.1936.

³⁵⁸ Hillman, J. Bolivia and the International Tin Cartel, 1931 – 1941. // JLAS. Vol.20. part.1, May, 1988.P.102 – 104.

³⁵⁹ FRUS, 1936. P.237 – 238.

³⁶⁰ FRUS, 1936. P.237 – 238.

го олова на США. В этом вопросе его интересы совпадали с устремлениями мелких и средних шахтовладельцев, желавших покончить с ограничениями Комитета олова за счет прямых поставок руды в США.

Однако, пока шли переговоры, и США торговались по поводу таможенных скидок на поставки товаров из Боливии, ситуация на мировом рынке резко изменилась. В начале 1937 г. неожиданно вырос спрос на олово, подскочили цены с 228 фунтов стерлингов за тонну в январе до 301 в марте 1937 г. И, хотя американцы настаивали на скорейшем заключении торгового договора, по которому соглашались на строительство оловодобывающего завода в США, для боливийцев этот сюжет утратил свою остроту в связи с новой, более благоприятной ситуацией на рынке³⁶¹.

8 сентября 1936 г. правительство Д.Торо установило правило 10%-ной сдачи государству валюты, получаемой от экспорта, по заниженному курсу. В начале марта 1937 г. в Потоси состоялся конгресс мелких и средних горнопромышленников, на котором прозвучала резкая критика как в адрес Международного комитета олова, то есть Патиньо, так и в адрес правительства за его финансовую политику, обескровливающую всю отрасль. Конгресс потребовал повышения официального курса обмена боливиано с 50 до 80 или даже 100 боливиано за фунт стерлингов, так как на свободном рынке он достигал 150. Эти требования совпадали с позициями оловодобывающих монополий, выступавших единым фронтом со всеми экспортерами³⁶². Под их давлением министерство финансов пошло на уступки, установив сложную шкалу обменных курсов, выгодную крупным производителям. Чем больше экспортировалось руды, тем выше был курс обмена валюты, предназначенной к обязательной сдаче государству³⁶³. Объективно эта мера лишь облегчила положение «баронов олова» в ущерб мелким и средним предприятиям, хотя именно в них правительство усматривало свою основную социальную опору.

Среди предпринятых мероприятий и нововведений выделялся целый блок законов и распоряжений, позволяющих говорить о действительно новом этапе экономического курса, состоявшего во всеобъемлющем государственном регулировании во всех секторах народного хозяйства: достаточно упомянуть создание Горнорудного банка, контроль за обменом валюты, монополию на продажу

³⁶¹ Ibid., P.273 – 274.

³⁶² El Diario. 04;29.03.1937.

³⁶³ Декрет был подписан 22 января 1937 г., а конкретный механизм введен в действие лишь в мае 1937 г. - El Diario. 12.05.1937.

золота и нефтяную политику (о чем пойдет речь отдельно). Испытывая дефицит золотовалютных запасов, правительство ввело государственную монополию на реализацию добываемого в стране золота. Под угрозой аннулирования концессий на добычу частные компании и старатели должны были сдавать весь металл в Центральный банк. Для контроля за выполнением декрета при министерстве горнорудной промышленности создавалась «Национальная полиция золота», которую возглавил радикальный националист, член ложи РАДЕПА Э.Бельмонте³⁶⁴.

Хунта разрабатывала планы экономических реформ, которые по своему содержанию означали усиление роли государства в управлении экономикой, создание смешанной модели народного хозяйства. В сентябре 1936 г. во всех департаментах страны были созданы Советы промышленности и торговли, в задачу которых входила поддержка и создание промышленных предприятий в провинции³⁶⁵. Предполагалось обеспечить их деятельность серьезными финансовыми ресурсами. Однако в условиях финансового кризиса реальных результатов от деятельности этих новых органов ждать не приходилось.

Создание госорганов регулирования потребления и финансового обращения, а также установление контроля государства в стратегических сферах народного хозяйства свидетельствовали о новом, этатистском направлении в экономической политике: о создании государственного сектора в экономике, которому отводились ведущие позиции. Вместе со стратегическими задачами реформирования, сформулированными в программе правительства военных-социалистов, Д.Торо должен был решать текущие проблемы кризисного управления экономикой. Идя на уступки различным влиятельным группам, Д.Торо принимал порой противоречивые решения. Его политика оставалась невнятной и путанной, конъюнктурной и малоэффективной, ибо пыталась решить текущие проблемы в ущерб фундаментальным реформам. Все это создавало массу трудностей в реформировании страны.

Идеология режима «государственного социализма».

Идеология новой власти была отражением идейных поисков в боливийском обществе в 20-30-е годы, а также новых теорий государства, получивших широкое распространение на континенте.

³⁶⁴ Belmonte Pabon E. Op.cit.P.155.

³⁶⁵ El Diario. 13.09.1936.

Во-первых, само название режима, «государственный социализм», не было политической новинкой в Латинской Америке. Именно так называли свою доктрину создатели эфемерной «Социалистической республики» в Чили в 1932 г. Тот факт, что в обоих случаях главным инструментом действия была армия, говорит о попытке боливийских военных копировать и более основательно осуществить то, что не удалось сделать в Чили. Как чилийские, так и боливийские военные-социалисты усматривали в социализме единственную альтернативу находившемуся в глубоком экономическом и морально-политическом кризисе «классическому» капитализму. Экономические и социальные успехи новых политических режимов в Европе, прежде всего, коммунистического в СССР и национал-социалистического в Германии, которых, в глазах военных-социалистов, объединяло их противостояние либеральной демократии, были лучшим аргументом в пользу новых общественно-политических форм функционирования государства.

Впервые находящиеся у власти политики, говоря о национальных интересах, указали на их противостояние «эгоистическим интересам частных групп самих же боливийцев», была обозначена противоположность интересов нации и олигархии. В своем первом обращении к нации Х.Буш заявил: «Мы видим огромное неравенство между теми, кто тысячами отдавал свои жизни на пустынных просторах Чако, и теми, кто составляют, по словам одного журналиста, «привилегированную касту», но мы видим также, что сейчас рождается новое мышление новой Боливии»³⁶⁶. Главный идеологический тезис нового режима состоял в «укреплении государства», его освобождении от олигархии. Именно государство, свободное от эгоистических интересов отдельных групп и классов, представляло собой ту самоценность, ради которой все боливийцы должны были пожертвовать своими частными интересами и правами. В самом наименовании режима понятие «государственный» было первостепенным, и только потом речь шла о новой организации общественной жизни, «социализме».

Идеологи новой доктрины делали оговорки в сторону ограничительного толкования социализма. Д.Торо неоднократно подчеркивал, что речь идет лишь о новой фазе развития общества, преодолевающего эгоистические ограниченности либерализма и индивидуализма, а не об интегральном, то есть полном социализме.³⁶⁷ Ставший идеологом режима лидер социалистов Э.Бальдивьесо утверждал, что Боливия не готова к полному социа-

³⁶⁶ Boullón Barreto G. Bolivia República Socialista. La Paz, 1936. P.16.

³⁶⁷ Valencia Vega, A. Historia política de Bolivia, P.1754.

лизму, и поэтому вводит свою модель «государственного социализма». Он заявлял, что новая социалистическая доктрина не обращается к зарубежным, европейским теориям, а основывается лишь на социально-экономической и географической реальности Боливии. Стратегическая цель нового режима – это социальная справедливость, диверсификация и индустриализация народного хозяйства страны³⁶⁸. На первой пресс-конференции в президентском дворце 21 мая 1936 г. Д.Торо заявил: «Идеология армии не отличается от взглядов левых партий. Армия желает создать правительство социальной справедливости, режим, который положит конец старым методам и старой политической системе. Наша задача – это развитие социалистического действия, это государственный социализм, который мы осуществим совместно с левыми партиями»³⁶⁹.

Военные, при всех своих социалистических декларациях были готовы пойти на компромисс со старой политической системой, и даже согласиться на временное сохранение прежних принципов функционирования экономики. Безусловно, они были далеки от идеи установить режим тоталитарного типа с полной перестройкой общественной и экономической жизни. Для этого они были слишком слабы как политически, так и доктринально. В своей редакционной статье 4 октября 1936 г. ставшая рупором режима газета «Ла Калье» определяла будущее социалистическое общество в Боливии как «организацию, сочетающую рациональность и коллективистскую мораль». А пока речь шла лишь о движении к такому обществу, на пути к которому главным организующим орудием будет государство³⁷⁰.

Для военных-социалистов экономической моделью развития Боливии был некий «прогрессивный капитализм», при котором государству отводилась активная роль в хозяйствовании. В своем докладе хунте Д.Торо, излагая принципы нового экономического строя, утверждал: «Государственный социализм основывается на принципах государства-предпринимателя, государства, которое возьмет на себя осуществление той деятельности, которая в руках частного предпринимателя не выполняла свою социальную функцию»³⁷¹. В этой формуле состояла суть экономической политики национал-реформистского типа, видевшей в государстве единственно возможное орудие гармонизации развития народного хозяй-

³⁶⁸ La Razón. 24.05.1936.

³⁶⁹ Boullón Barreto G. Op.cit., P.28.

³⁷⁰ La Calle. 04.10.1936.

³⁷¹ Gallego Margaleff, F.J. Los orígenes del reformismo militar, P.138.

ства страны. Государство вытесняло частных лиц из сферы, где их эффективность и польза, с точки зрения экономического национализма, была мала или недостаточна. Для социалистов было ясно, что олигархия имела отличные от национальных экономические интересы. Государство должно было исправить историческую несправедливость и вернуть народу, узурпированные олигархией богатства и власть. Проправительственная «Ла Калье» на своих страницах утверждала, что на данном этапе в Боливии следует строить государственный капитализм, который является лишь первым этапом социалистической организации общества³⁷².

Признавая за государством право предпринимательской инициативы и даже ведущих позиций в народном хозяйстве, военные-социалисты не отказывались от гарантий частному капиталу. Примирить частнособственнические принципы «прогрессивного капитализма» с общественной природой социализма был призван принцип «социальной функции частной собственности». Идеологи режима были убеждены, что необходимо «подчинить производство целям общества, ибо в рамках социалистического государства всякая частная собственность должна выполнять свою социальную функцию».³⁷³ «Социальная функция» стала основополагающим принципом экономической политики и даже конституционного устройства. И здесь боливийские военные-социалисты не были первопроходцами. Эта модная к этому времени теория, ограничивающая неприкосновенность частной собственности выполнением ею своей социальной функции, определяемой её полезностью обществу (читай государству), была очень популярна в те годы во многих странах Латинской Америки. В Чили в период диктатуры Ибаньеса эту тему широко обсуждали в интеллектуальных и политических кругах. Те же идеи шли из Мексики, где активно развивался государственный сектор и много говорили о социализме.

Боливийский «государственный социализм» предполагал решительный отказ от демократии и основополагающих гражданских свобод. «Государственный социализм» в сфере политики был наследником идей Ф.Тамайо. Демократическому механизму принятия решений и достижению консенсуса в обществе социалисты вслед за Ф.Тамайо противопоставляли волю и энергию нации, выразителем которой должны были стать национальные силы, присвоившие себе право выражать «эгоистически понимаемые национальные интересы». Как и Тамайо, социалисты требовали от всех

³⁷² La Calle. 01.12.1936.

³⁷³ План организации министерства труда от 15 июня 1936 г. – ANB. PG. 1936. C.12. T.127. (PG7250).

социальных слоев жертвы во имя достижения общенациональных целей.

Главным объектом критики идеологов режима была демократия. В мае 1936 г. при вступлении в должность министра иностранных дел Э.Бальдивесо заявлял: «Либеральная демократия – это выражение капитализма на службе меньшинства». Боливия, – считал он, – нуждалась не в зависимом старом либеральном, а в «плодотворном и производительном прогрессивном капитализме». Путь к нему лежит через «эволюционную социальную реформу при преобладании государственной собственности и ограничении экономической и политической власти горнорудной олигархии»³⁷⁴. Политической составляющей реформы должна была стать так называемая функциональная демократия, предполагавшая отказ от классической системы парламентского представительства и замену её корпоративным строем при ограничении основных прав и свобод принципом государственной целесообразности.

Индивидуализму и эгоизму «демолиберализма» противопоставлялось единение передовых элементов нации, «генераторов её жизненной энергии» – рабочего класса и капитала. Их объединение, считали идеологи режима, может осуществить лишь государство, приоритетом в политике которого будет общее благо нации, даже в ущерб интересам этих классов и при ограничении свободы личности. Данные принципы были изложены в «Доктрине государственного социализма», программном документе Национального департамента пропаганды. В нем говорилось: «Государственный социализм – это призыв к эффективной солидарности активных членов общества, это установление царства закона, защищающего труд»³⁷⁵. Там же указывалось, что долг каждого гражданина – посвятить себя государству во имя величия нации.

Называя себя социалистами, пусть даже и «государственными», военные тут же делали оговорку, что речь ни в коем случае не идет о коммунизме. В отличие от коммунистов, видевших в социализме, по крайней мере, доктринально, развитие демократии и подтверждавших свою верность идеалам Французской революции, свободы, равенства, братства, военные-социалисты избрали главной своей мишенью именно демократическое устройство общества. Более того, идеологи режима заявляли, что их строй – это барьер на пути коммунизма, который, по сути, является интернацио-

³⁷⁴ Klein, H S. David Toro and the Establishment of “Military Socialist” in Bolivia // *HAHR*.1972. vol.14, No.1. P.36.

³⁷⁵ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1937. Informe de 30 de mayo de 1937. 31 – 25 – 3.

нальной (как и иностранный капитал, империализм), а, следовательно, и антинациональной силой.³⁷⁶ Более того, если коммунисты отстаивали интересы пролетариата, то военные-социалисты претендовали на защиту общенациональных ценностей, на преодоление классовой борьбы и установление социальной гармонии.

Большое влияние на идеологию «государственного социализма» оказали итальянский фашизм и германский национал-социализм, провозглашавшие приоритет нации над личностью и классами. Многие деятели режима, особенно военные, с большой симпатией относились к национал-социализму Гитлера. Влияние нацизма в боливийской армии было очень велико. Боливийские военные поддерживали связи с германскими нацистами до и после прихода Гитлера к власти. Х.Кундт был личным другом Гитлера, а боливийское консульство в Берлине часто давало приют нацистам в 20-е годы. Многие боливийские офицеры отправляли своих детей учиться в Германию. Министр обороны правительства Д.Торо Оскар Москосо заявлял, что при реформировании государства следует руководствоваться национал-социалистической доктриной. В октябре 1936 г. он создал Национал-социалистический легион ветеранов Чако.³⁷⁷ Эта организация оказывала серьезное влияние на политическую линию режима.

Не только военные открыто выражали свои симпатии фашизму, но и гражданские политики, прежде всего, члены Социалистической партии, будущие идеологи и лидеры национал-реформизма К.Монтенегро, Э.Финот и другие вели антилиберальную пропаганду через газету «Ла Калье»³⁷⁸. 23 октября 1936 г. подполковник Г.Вискаarra опубликовал в «Ла Калье» редакционную статью «Наш боливийский национал-социалистический путь», в которой прославлял политический строй Германии и Италии. Он утверждал, что национал-социалистическая система – «это единственный режим правления, который дает гарантии прогресса и общественного благосостояния»³⁷⁹.

Идеологи режима находили много общего с фашистской доктриной и вели активную пропаганду успехов европейских тоталитарных режимов. И военные, и их союзники социалисты не скры-

³⁷⁶ La Razón. 19.02.1937.

³⁷⁷ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1936. Informe de 8 de octubre de 1936. 27 – 29 – 13, f.30.

³⁷⁸ Именно в это время вокруг газеты «Ла Калье» формировалось политическое движение «революционного национализма». Об идеологии этого течения см. главу 3.

³⁷⁹ La Calle. 23.10.1936.

вали родственных с национал-социализмом взглядов. В марте 1937 г. мексиканский посол пригласил для беседы видных деятелей режима Х.Пас Камперо, Ф.Камперо Альвареса, Э.Финота, которые постарались изложить ему принципы «государственного социализма». Они заявляли, что демолиберализм изжил себя, а боливийский режим движется в том же направлении, что и национал-социализм в Германии и фашизм в Италии.³⁸⁰

С приходом к власти военных-социалистов проявились результаты идейной революции, которая сместила господствовавшие представления об основах общественной жизни от либерализма и индивидуализма в сторону авторитаризма и социального государства. Центральным пунктом теории «новой Боливии» было отрицание принципов либерализма и демократии в экономике и в политической жизни.

Всё, что было связано со старым капитализмом свободной конкуренции, и что потерпело крах в период мирового кризиса, отвергалось военными-социалистами. Частная инициатива противопоставлялась государственному капитализму, мировой рынок со свободным обращением товаров и капиталов – национально регулируемой экономике и даже автаркии с ориентацией лишь на внутренние потребности страны, либеральная демократия со свойственными ей индивидуализмом и частно-эгоистическими интересами – коллективизму, подчинению личности государству, нации.

Государство принимало на себя ответственность за экономическое и социальное развитие. Фактически речь шла о государственном капитализме, при котором классовые противоречия и борьба интересов различных социальных групп подавлялись во имя национальной идеи. При слабости местного класса предпринимателей именно государство должно было выполнять задачи, как первоначального накопления, так и проведения индустриализации. По мнению военных-социалистов, либеральная демократия не смогла обеспечить условия для экономического развития и социального прогресса. Они были готовы предложить иную систему власти, где различные политические и социальные группы подчиняли бы свои устремления единой цели, определяемой государством, то есть социалистами, а гражданское общество полностью растворялось в государстве, подчинялось ему.

Многие положения идеологии «государственного социализма» впоследствии были восприняты национал-реформизмом. Наряду с очевидной преемственностью идейной базы, да и политической

³⁸⁰ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1937. Informe de 30 de mayo de 1937. 31 – 25 – 3.

практики, у военных-социалистов и национал-реформистов существовали несколько серьезных отличий, позволяющих делать вывод о более радикальном противостоянии «государственного социализма» либеральной демократии и всей капиталистической системе. Самоназвание режима как социалистическое было не только данью моде, но и убеждением его создателей, что он призван заменить дискредитировавший себя демолиберальный строй, да и сам капитализм. В этом антирыночном, антикапиталистическом порыве слились в одно целое как левые, так и правые, профашистского толка, силы. Сильный антикапиталистический элемент «государственного социализма» придавал ему более радикальное и антисистемное звучание. Принятие обществом новых идей свидетельствовало об изменении самого типа ментальности, о переходе гегемонии к тем интеллектуальным и политическим силам, которые в тот момент выражали антилиберальную, националистическую и авторитарную тенденцию.

Политическая реформа

Придя к власти путем переворота или, как они говорили, революции, военные отнюдь не стремились к легитимации режима на основе действовавших до этого конституционных принципов. Военные-социалисты поставили задачу создать свою собственную корпоративную политическую систему. Они заявили о своем намерении созвать Учредительное собрание, которое, основываясь на «социалистических» принципах, разработает новую конституцию страны.

Политическая реформа затрагивала высшие органы государственной власти, судебную систему и местное самоуправление. Хунта готовила обширную судебную реформу, которая полностью подчинила бы эту ветвь власти исполнительным органам³⁸¹. Декретом от 14 августа 1936 г. Д. Торо отменил выборы мэров, которых отныне назначало центральное правительство, а муниципальные собрания впредь должны были не избираться населением, а назначаться пропорционально Торговой палатой, Промышленной палатой, Коллегией адвокатов, профсоюзами медиков, инженеров, обществом сельских собственников и Рабочей федерацией. Вводилась оплата за работу мэров (алькальдов) в городах и поселках, что знаменовало собой демократизацию этого института власти, ибо позволяло занимать этот пост лицами свободных профессий, на-

³⁸¹ La Calle. 17.11.1936.

емными рабочими и служащими без ущерба для их заработка³⁸². Впрочем, это было чистой теорией, так как самих алькальдов назначало центральное правительство, исходя из политической целесообразности и продвигая своих сторонников. Вместе с тем, эти меры в целом укрепили вертикаль исполнительной власти. Сильное государство являлось для военных главной целью всей политической реформы.

Основой новой системы, по мнению Д.Торо, должна была стать «функциональная демократия». Отказ от классической демократии как выражения прав и свобод личности объяснялся потребностью учитывать интересы классов и слоев населения, составлявших абсолютное большинство нации. Политическая реформа должна была полностью изменить представительную систему, ликвидировать парламентскую демократию. На место принципа выборности всех властей приходила авторитарная корпоративистская система. Не личность, не гражданин объявлялись основой «функциональной демократии», а некие народные классы и профессиональные группы. Исходя из этих предпосылок, Д.Торо, не одобряя экстремизма некоторых своих единомышленников и не являясь ярким приверженцем новомодных режимов Муссолини и Гитлера, будучи весьма прагматичным политиком, предложил компромиссный вариант структуры представительной власти. По его идее, как учредительное собрание, так и будущий парламент должны будут формироваться одновременно на основе обычных выборов, как было ранее, и из представителей профсоюзов. Половина депутатов избиралась бы по территориальным округам, а остальные делегировались бы от профсоюзов. Здесь следует оговориться, что речь шла исключительно о тех профсоюзах, которые создавались властью на корпоративистских началах.

Антилиберализм и логика антирыночной, этатистской политики делали рабочее движение естественным союзником режима, а также предлагали такое реформирование государственно-политического устройства, которое превращало профсоюзы в основу функционирования новой системы власти. Структурирование профсоюзного движения, его приспособление к нуждам новой власти были первоочередными задачами политической реформы. С целью создания основ новой политической системы Хунта разработала и опубликовала декреты об обязательной синдикализации и всеобщей трудовой повинности. Объясняя причины появления этих декретов, Д.Торо заявил в интервью газете «Ла Расон» следующее: «Необходимо реорганизовать государство на новом фун-

³⁸² El Diario. 25.10.1936.

даменте... Думаю, что функциональные профсоюзы, хорошо организованные и контролируемые государством, смогут стать вспомогательным фактором обновления нашей социально-политической системы. Парламент должен действовать на основе двойного представительства»³⁸³.

Декрет о трудовой повинности был предложен министерством труда и подписан Д.Торо 6 июля 1936 г. По новому декрету Боливия провозглашалась «республикой трудящихся», следовательно, все были обязаны работать. Государство получало право принудительно привлекать «на работы» безработных и так называемые «паразитические классы». Всем безработным предлагалось обращаться в специальные департаменты труда и полицию, где из них создавались бригады, направляемые либо на частные предприятия, либо на общественные работы, например, по строительству дорог, на которые привлекались не только безработные, но и те, кто не мог или не хотел платить подорожный налог. Демобилизованным с фронта в Чако солдатам предписывалось устроиться на работу в течение 20 дней.

Все боливийцы должны были обзавестись трудовыми книжками, которые становились важнейшим документом гражданской дееспособности.³⁸⁴ Предприниматели должны были сообщать в министерство труда о своих потребностях в рабочей силе, а органы власти были обязаны поставлять соответствующих рабочих и специалистов. За выполнение декрета отвечало новое полицейское подразделение - специальная трудовая инспекция, проводившая регистрацию безработных, формировавшая и направлявшая к месту выполнения повинности «бригады трудящихся в соответствии с запросами горнорудных, торговых, промышленных и прочих предприятий. Полиции предписывалось сопровождать бригады до места назначения. Газеты сообщали о задержании лиц, не имевших трудовой книжки и являвшихся безработными, которых временно арестовывали и содержали под стражей до определения будущего места работы»³⁸⁵. В случае бегства «призываемого на трудовую службу» по заявлению работодателя полиция должна была объявлять розыск и принудительно доставлять беглеца на прежнее место, причем стоимость поиска и проезда вычиталась из его буду-

³⁸³ El Diario. 28.08.1936.

³⁸⁴ Проект декрета о трудовой повинности. - ANB. PG. 1936. C.12. T. 127 (PG7250).

³⁸⁵ La Calle. 03.10.1936.

щей зарплаты»³⁸⁶. Особенное рвение в осуществлении декрета о трудовой повинности проявлял Э.Бельмонте, известный своим восторженным отношением к трудовой организации третьего рейха³⁸⁷.

Декрет о всеобщей трудовой повинности преследовал две цели. С одной стороны, он был реакцией на жалобы горнопромышленников, испытывавших серьезные трудности с рабочей силой, в то время как города наполнились безработными демобилизованными солдатами. В течение всего года для увеличения экспорта горно-рудные компании требовали выполнения декрета о трудовой повинности, отправки на рудники дополнительных рабочих рук³⁸⁸. В письме от 30 июня 1936 г., исходя из потребностей горюдой отрасли, Д.Торо призывал министра труда в кратчайшие сроки разработать и представить проект декрета³⁸⁹. С другой стороны, декрету придавалась идеологическая и институциональная нагрузка, состоящая в установлении государственного контроля над трудовыми ресурсами и в создании предпосылок тоталитарного управления экономикой. Социалисты отвергали рыночные механизмы регулирования спроса и предложения трудовых ресурсов, противопоставляя им полный контроль государства над занятостью. Эта реформа содержала сильный антирыночный, антикапиталистический вектор развития. Вопрос состоял лишь в выполнимости планов социалистов.

Министерство труда было активным проводником положений декрета в жизнь. В конце сентября 1936 г. министерство разослало местным властям новую инструкцию по выполнению декрета. В ней признавалось, что «существует всеобщая убежденность в том, что декрет никто не собирается выполнять». В результате граждане не беспокоятся о получении трудовых книжек. Министерство настаивало на усилении работы местных властей по организации бригад, выделив три направления: горнорудная промышленность, строительство дорог и сельское хозяйство. Все задержанные безработные должны были содержаться в казармах без права свободного выхода. Комиссии, отбирающие и сортирующие безработных, должны «в первую очередь удовлетворять потребности в рабочей силе крупных горнорудных предприятий, разрабатывающих олово,

³⁸⁶ Проект декрета о трудовой повинности. - ANB. PG. 1936. C.12. T. 127 (PG7250).

³⁸⁷ El Diario. 11.10.1936.

³⁸⁸ El Diario. 29.03.1937.

³⁸⁹ Письмо Д.Торо – В.Альваресу от 30 июня 1936 г. - ANB. PG. 1936. C.12.T. 127 (PG7250).

а уж затем мелких и средних». Подчеркивалось, что комиссии и политические органы должны строго выполнять распоряжения министерства и соблюдать букву закона «независимо от лица или социального положения» подлежащих принудительному призыву на работу, в том числе и иностранцев³⁹⁰.

Хотя в своих отчетах президенту В.Альварес рапортовал об успехах в реализации декрета³⁹¹, это новшество осталось лишь на бумаге. Несмотря на грозные инструкции и призывы к органам исполнительной власти, декрет о трудовой повинности так и остался лишь образцом тоталитарного законотворчества. В реальной жизни декрет не выполнялся за исключением показательных акций. У государства не было ни средств, ни возможности на данном этапе обеспечить работой всех безработных. Эффективность декрета была почти нулевой, но его появление вызвало целую бурю возмущения интеллигенции, видевшей в нем начало торжества тоталитаризма в Боливии.³⁹²

Поскольку рабочее движение должно было стать основой политической системы, министерство труда приступило к организации новых, подконтрольных государству, профсоюзных структур. Политическим инструментом управления синдикализированным обществом могли стать созданные по инициативе Х.А.Арсе (служившего юридическим советником в министерстве труда) АНПОС - Постоянные национальные ассамблеи профсоюзных организаций. Задача Ассамблеи заключалась в контроле за деятельностью министерства труда со стороны рабочих организаций и в подготовке общенационального конгресса, на котором планировалось создание единого профцентра. В АНПОС вошли представители всех профсоюзных объединений, в том числе ФОТ и ФОЛ. В своем циркуляре от 30 июня 1936 г. всем профсоюзным организациям страны В.Альварес писал: «Постоянная связь министерства и Хунты с рабочими организациями необходима для эффективного учета мнений рабочего класса, а также для доведения до сведения трудящихся и их организаций в центре и на местах действий и решений министерства, осуществляемых в интересах трудящихся»³⁹³. Министр труда раз в неделю выступал перед собранием рабочих

³⁹⁰ Дополнительные инструкции к декрету о трудовой повинности от 29 сентября 1936 г. - ANB. PG. 1936. C.12. T. 127 (PG7250).

³⁹¹ Отчет В.Альвареса от 2 октября 1936 г. - ANB. PG. 1936. C.12. T. 127 (PG7250).

³⁹² Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar, P.113 – 115.

³⁹³ Циркуляр Министерства труда от 30 июня 1936 г. – ANB.PG.1936. C.12. T.127.(PG7250).

представителей с отчетом о своей деятельности. Через АНПОС до рабочего класса должны были доводиться все инициативы «социалистического правительства».³⁹⁴ Желая подчеркнуть институциональное место АНПОС в политической системе «государственного социализма», В.Альварес запросил разрешения Д.Торо предоставить в распоряжение новой структуры помещение Сената³⁹⁵. Разрешение было получено и, к ужасу правых политиков, в Сенате стали заседать рабочие лидеры. Этот жест правительства носил не только символическое значение, а реально демонстрировал торжество новых принципов государственной власти.

Неофициальный статус АНПОС был вскоре изменен декретом Хунты, превратившем их в новый орган власти. Декрет Д.Торо об образовании АНПОС от 4 июля 1936 г. устанавливал схему образования новых профсоюзов. Организованные по цеховому принципу рабочие профсоюзы и объединения предпринимателей образовывали общенациональные и местные ассамблеи. На предприятиях по профессиональному признаку создавались комитеты, которые затем объединялись в общенациональные союзы, встраиваемые в единую отраслевую структуру. Руководство АНПОС назначалось министерством труда. АНПОС должна была заменить собой все остальные профсоюзы, став не столько конфедерацией различных отраслевых союзов, сколько своеобразным синдикалистским предпарламентом, который, в свою очередь, делегировал бы своих полномочных делегатов в общенациональный парламент.

Создавая АНПОС, правительство надеялось поставить под контроль министерства труда деятельность и сам процесс организации рабочих профсоюзов. На заседании 23 июля 1936 г. АНПОС, выразив поддержку «социалистическому правительству», потребовали от Хунты скорейшего принятия декрета об обязательной синдикализации, при помощи которого рассчитывали организовать всю профсоюзную вертикаль в общенациональном масштабе³⁹⁶. Всеобщая синдикализация, по идее военных-социалистов, была орудием огосударствления профсоюзного движения.

Для профсоюзных лидеров создание синдикализированной, а по сути корпоративистской представительной власти, свидетельствовало о конце буржуазного государства и торжестве социалистических принципов. Важным элементом строительства новой

³⁹⁴ Alvarez E., W. Op. Cit., P.105 – 106.

³⁹⁵ Письмо В.Альвареса - Д.Торо от 1 июля 1936 г. - ANB. PG. 1936. C.12.T.127. (PG7250).

³⁹⁶ Письмо В.Альвареса - Д.Торо от 25 июля 1936 г. - ANB. PG. 1936. C.12.T.127. (PG7250).

политической системы была призвана стать обязательная синдикализация, декретированная 19 августа 1936 г. В отчете от 28 декабря 1938 г. министерство труда, подводя итоги своей деятельности, особо подчеркивало значение этого декрета в проведении политической реформы: «Всеобщая и обязательная синдикализация является основой нового режима и новой формой осуществления гражданства в Боливии, что отныне означает признание неотъемлемого права коллектива трудящихся участвовать в решении судеб страны»³⁹⁷. В преамбуле декрета указывалась цель этой широкомасштабной акции: «Обязательная и всеобщая синдикализация должна быть основой нового гражданского режима и одним из основных факторов функционирования избирательной системы». Декрет предписывал: «Все боливийцы, будь то мужчины или женщины, в той или иной мере участвующие в производстве, распределении и пользовании общественным богатством, обязаны объединиться в профсоюзы, деятельность которых должна регулироваться единым профсоюзным уставом». Каждый гражданин получал профсоюзный билет, который, как предполагалось, заменял иные документы дееспособности, необходимые для участия в избирательном процессе. Статья 3 гласила: «Профсоюзы должны контролировать себя и быть под постоянной опекой социалистического правительства, они являются частью государственного организма, основой функциональной системы власти»³⁹⁸.

Создавались профсоюзы двух типов: работодателей и наемных работников. Закон предусматривал создание смешанных комиссий профсоюзов хозяев и работников для решения спорных вопросов и «достижения взаимопонимания труда и капитала, а также для совместных действий по усовершенствованию производства». Министерство труда предписывало каждому профсоюзу, в какую отраслевую или региональную федерацию он должен войти. Федерации призывались провести общенациональный объединительный конгресс трудящихся в ноябре 1936 г., на котором предполагалось образование Национальной профконфедерации. Будущий съезд должен был, согласно декрету, принять предложенный министерством труда профсоюзный устав, который виделся главной нормативной базой трудовых отношений.³⁹⁹ Эта система была направлена на установление всеобщего государственного контроля

³⁹⁷ Отчет министерства труда за второе полугодие 1936 г. – ANB. PG. 1936. C.12. T. 127 (PG7250).

³⁹⁸ Antezana L., Romero H. Historia de los sindicatos campesinos. La Paz, 1973. Anexos. P.10.

³⁹⁹ Ibid., P.11 - 12.

над профсоюзами. Объясняя необходимость радикальной политической реформы, Д.Торо говорил: «Страна переживает состояние дезорганизации своих политических и общественных институтов... Атмосфера в обществе характеризуется отсутствием здоровых политических групп, инерцией масс и преобладанием частных, эгоистических интересов, стремящихся эксплуатировать государство»⁴⁰⁰.

Декрет вызвал большие трения внутри правительства; были предложены два проекта декрета и профсоюзного устава. Они исходили из противоположных концепций общественного устройства и места в нем профсоюзов. Авторство первого принадлежало министерству труда, а конкретно марксистам Х.А.Арсе и Р.Анайе. Левые настаивали на скорейшем принятии профсоюзного устава в их редакции. В сентябре 1936 г. в письме министру В.Альваресу от имени Социалистической партии Кочабамбы А.Уркиди (реальным лидером партии был Р.Анайя, работавший тогда в министерстве труда) писал: «Необходимо срочно завершить процесс обязательной синдикализации принятием устава, и тем самым выбить почву из-под ног у противостоящей социалистическому характеру проводимых реформ реакции, пытающейся навязать свои планы»⁴⁰¹. От содержания Профсоюзного устава зависел вектор развития отношений профсоюзов и государства. В.Альварес и его сподвижники из левого социалистического движения сразу же принялись за его разработку. Об успешном завершении этой работы министерство труда отчиталось правительству уже в декабре 1936 г., обещая представить устав на утверждение Хунты в ближайшее время⁴⁰². Однако после отставки В.Альвареса и чистки министерства от левых деятелей этот проект был предан забвению.

Несколько иное содержание обрела идея обязательной синдикализации в интерпретации министра внутренних дел подполковника Хулио Виера⁴⁰³, который видел в этом акте шаг на пути

⁴⁰⁰ El Diario. 28.07.1936.

⁴⁰¹ Письмо А.Уркиди – В.Альваресу от 9 сентября 1936 г.- ANB. PG. 1936. C.12. T.127 (PG7250).

⁴⁰² Отчет министерства труда за второе полугодие 1936 г. - ANB. PG. 1936. C.12. T.127 (PG7250).

⁴⁰³ По мнению испанского историка Ф.Гальего идея обязательной синдикализации на корпоративистской основе исходила от В.Альвареса и министерства труда. Однако это утверждение не согласуется с последующими действиями министерства, выхолостившего саму корпоративистскую суть декрета, поддержанного Х.Виера. В.Альварес сделал все от него зависящее, чтобы сохранить силу уже существовавших профцентров, в то время как Х.Виера предполагал создать новые, зависящие от правительства,

строительства корпоративного государства. Его идеалом был итальянский фашизм с корпоративистской политической организацией. Реальное осуществление декрета обуславливалось принятием профсоюзного устава, вокруг которого развернулась борьба между левым синдикализмом, представленным В.Альваресом, и правым корпоративизмом, олицетворением которого был глава кабинета министров Х.Виера. Дискуссия вокруг этого вопроса длилась вплоть до ухода В.Альвареса из правительства в конце 1936 г.

Профсоюзные круги с одобрением восприняли декрет о синдикализации. Левые считали, что при новом «социалистическом» режиме будут реализованы анархо-синдикалистские представления о месте профсоюзов в революции и в будущем общественном устройстве. В.Альварес заявлял, что «профсоюзы должны стать основой функциональной демократии и осуществления общественной власти»⁴⁰⁴. Несмотря на сопротивление правых сил, профсоюзным вождям удалось достичь некоторых успехов в осуществлении синдикалистской реформы. Согласно сентябрьскому 1936 г. отчету министерства труда, в среднем в месяц выдавалось около 3 тысяч профсоюзных билетов. В течение первого месяца действия декрета министерство регистрировало примерно 12 профсоюзов в неделю, что свидетельствовало о серьезной организационной работе, предпринятой левым руководством министерства труда.⁴⁰⁵

Целью режима была интеграция рабочего движения в политическую систему через огосударствление профсоюзов. Провозглашавшиеся военными-социалистами доктринальные цели создания «функциональной демократии» обретали реальные черты именно посредством всеобщей синдикализации. Превращение профсоюзов в органы власти содержало сильную антибуржуазную, антисистемную тенденцию, опасность которой сразу же осознали как умеренная часть военных, так и консервативные круги страны, сделавшие все для того, чтобы эти декреты остались лишь декларацией намерений.

Народная инициатива порой ставила в тупик правительство и руководство левых партий, не готовых возглавить стихийное твор-

корпоративистские профсоюзы. - Gallego Margaleff, F.J. Un caso del populismo militar latinoamericano: la gestión de David Toro en Bolivia (1936 - 1937) // Ibero-Amerikanisches Archiv, vol.14, No.4, 1988. S.486 – 487.

⁴⁰⁴ Klein, H S. David Toro and the establishment of “Military Socialist” in Bolivia // HANR.1972. vol.14, No.1. P.42 – 43.

⁴⁰⁵ Отчет В.Альвареса от 2 октября 1936 г. - ANB. PG. 1936. C.12. T.127. (PG7250).

чество масс. Возникали новые органы народного контроля и власти. Рабочие и ветеранские организации оказывали давление на правительство не только через политические группы и близких им деятелей кабинета министров, но и посредством прямых, порой насильственных действий. Чаще всего Хунта постфактум была вынуждена признавать результаты этих действий.

Тяжелая ситуация на потребительском рынке, расцвет спекуляций вызвали стихийные протесты народных масс, недовольных неспособностью власти навести порядок в торговле. Леворадикальные группы призывали население использовать методы прямой демократии и устанавливать народный контроль в торговле. 12 сентября 1936 г. толпа, предводительствуемая лидерами ветеранских организаций, в том числе самой радикальной АНДЕС, заняла помещения Департамента потребления и устроила судилище над служащими, которые, по их мнению, не выполняли своих обязанностей по контролю над торговлей. Бессильное воспрепятствовать самоуправству левых организаций, правительство было вынуждено признать эти стихийные акты справедливыми и даже декретировать присутствие народных контролеров из числа ветеранских союзов и партий в местных органах власти⁴⁰⁶. Вместе с тем, эти стихийные элементы новой народной власти, несшей в себе сильный заряд антибуржуазности, не находили развития и постепенно исчезали.

Для осуществления широкомасштабной политической реформы Хунта сформировала 1 октября 1936 г. комиссию по выработке новой конституции. В нее вошли не только сторонники «государственного социализма» Х.Пас Камперо, Х.М.Салинас, В.Мендоса Лопес (глава комиссии), но и представители традиционных политических сил, не разделявшие новаторские идеи государственного устройства военных-социалистов. Вошедшие в комиссию бывшие министры правительства Х.Л.Техадя Сорсано правые деятели Х.М.Гутьеррес и П.Гильен стремились выхолостить все «социалистические» новшества.

В ноябре 1936 г. Д. Торо заявил, что Учредительное собрание будет создано в соответствии с новыми политическими принципами, то есть половина депутатов от профсоюзов, половина – посредством всеобщих выборов⁴⁰⁷. Учредительное собрание, по мысли Д.Торо, не будет заниматься избранием президента, а лишь выработает новую конституцию, по которой впоследствии пройдут

⁴⁰⁶ El Diario. 13.09.1936.

⁴⁰⁷ El Diario. 03.11.1936.

выборы новых органов власти⁴⁰⁸. Появились предложения не созывать Учредительное собрание, а разработать временный Статут на ближайшие 4-5 лет, ибо старая конституция мирно почилла с революцией мая 1936 г., а новые принципы жизни только формировались в процессе становления социалистического режима.

В январе 1937 г. несмотря на закрытый, негласный характер работы комиссии, достоянием общественности стали разработанные ею общие принципы государственного устройства. Как заявили прессе представители комиссии, ими были изучены все новые современные конституции, в частности Мексики, Чили и Советского Союза. Особо был проанализирован опыт Германского рейха. Многие наблюдатели отмечали, что комиссия, возглавляемая В. Мендосой Лопесом, по настоянию президента берет пример с законов нацистской Германии⁴⁰⁹. За основополагающий принцип были приняты коллективизм и антииндивидуализм. Декларировалось, что интересы государства и общества выше интересов и прав личности. Отношения труда и капитала, по мнению членов комиссии, должны были ориентироваться на германский образец, а декреты об обязательной синдикализации и трудовой повинности становились органичной частью новой конституции⁴¹⁰. В начале 1937 г. был разработан проект нового «функционального» парламента. Предполагалось создать Конгресс со смешанной, синдикалистско-корпоративной и старой парламентско-партийной системой. Палата депутатов должна была формироваться пополам от профсоюзов и общественных организаций, а сенаторы назначались бы профсоюзами сроком на 9 лет⁴¹¹.

Из-за внутренних противоречий в правящем блоке планы конституционной реформы отодвигались на неопределенное будущее. Перемена в настроениях властей отразилась на работе конституционной комиссии. В конце апреля 1937 г. В.Мендоса Лопес ушел с поста председателя комиссии, объяснив свой поступок тем, что некоторые её члены не разделяют взглядов на будущую социалистическую модель государства, а посему невозможно достичь с ними взаимопонимания⁴¹². Одной из причин конфликта был про-

⁴⁰⁸ La Calle. 27.12.1936.

⁴⁰⁹ El Diario. 02.02.1937.

⁴¹⁰ El Diario. 28.01.1937.

⁴¹¹ El Diario. 30.01.1937.

⁴¹² Конституционная комиссия – Д.Торо от 19 апреля 1937 г. - ANB. PG. 1937. C.13. T.156. (PG6875).

ект Профсоюзного устава⁴¹³, выдержанный во вполне традиционном либеральном духе. Корпоративистские идеи были сведены к минимуму. Комиссия оправдывалась, подчеркивая, что преследовала цель «гармоничного решения социальных вопросов, но главное - ориентировалась собственно на потребности производства»⁴¹⁴. В.Мендоса Лопес заявил о неприемлемости такого проекта. Его поддержал лидер социалистов Э.Бальдивьесо, протестовавший против реакционного духа, царившего в комиссии⁴¹⁵. Д.Торо отказался принять отставку В.Мендоса Лопеса как необоснованную, но не предпринял никаких мер по изменению обстановки в комиссии, ибо уже мало интересовался её работой⁴¹⁶. Впоследствии результаты работы комиссии так и не были востребованы, а выборы в Учредительное собрание – отложены.

Последовательное проведение в жизнь декретов о всеобщей синдикализации, об АНПОС, о всеобщей трудовой повинности, осуществление реформы парламента и местного самоуправления реально могло бы создать базу нового политического строя, мало похожего на буржуазную демократию. Осуществление политической реформы создало бы предпосылки к углублению и развитию антикапиталистического и антирыночного элемента в «государственном социализме». Если радикализм этих реформ привлекал левых, рабочее движение, то их откровенная антибуржуазная направленность отпугивала союзников режима справа. Военные лавировали и предпочитали половинчатые меры и уступки то одной, то другой группе.

При всех колебаниях и непоследовательности военных первые полгода существования режима «государственного социализма» были самыми радикальным периодом в политической реформе. Революционный напор первых месяцев быстро ослабел, и режим все более склонялся к проведению умеренной реформистской политики.

⁴¹³ 23 февраля 1937 г. Д.Торо потребовал от комиссии срочного представления профсоюзного устава, ставшего камнем преткновения в построении корпоративистского государства - Конституционная комиссия – Д.Торо от 23 февраля 1937 г. - ANB. PG. 1937.C.13.T.152. (PG7211).

⁴¹⁴ Конституционная комиссия – Д.Торо от 19 апреля 1937 г. - ANB. PG. 1937. C.13. T.156. (PG6875), f.42.

⁴¹⁵ Конституционная комиссия – Д.Торо от 21 апреля 1937 г. - ANB. PG. 1937. C.13 T.156. (PG6875). B.857.

⁴¹⁶ Письмо Д.Торо – Конституционной комиссии - ANB. PG. 1937. C.13.T.156. (PG6875). B773.

Социальный вопрос и рабочее движение.

Рабочие профсоюзы использовали распоряжение об обязательной синдикализации в своих интересах. В то время как военные строили лишь теоретические схемы будущего корпоративного устройства на основе государственных профсоюзов, независимое рабочее движение укрепляло свои позиции. Повсеместно исчезали старые мутуалистские, возникали новые профессиональные союзы, присоединявшиеся к общенациональным центрам ФОТ и ФОЛ. Набравшие силу провинциальные центры ФОТ требовали большего участия профсоюзов в правительстве. ФОТ Оруро, ссылаясь на декларации Хунты о привлечении профсоюзов к управлению государством, настаивала на передаче ей одного министерского портфеля⁴¹⁷. 28 сентября 1936 г. обе федерации подписали соглашение о единстве действий и образовали Единый широкий профсоюзный фронт (ФУСА), в рамках которого организации-члены сохраняли автономию и независимость. Непосредственной задачей ФУСА была подготовка объединительного общенационального съезда профсоюзов⁴¹⁸.

Профсоюзное движение, пойдя навстречу правительству в его желании объединить под своей эгидой все рабочие организации страны, и найдя твердую поддержку со стороны министерства труда и лично В.Альвареса, провело в ноябре 1936 г. общенациональный объединительный съезд в Оруро, на котором было представлено 213 профсоюзных организаций, представлявших 70 тысяч рабочих.⁴¹⁹ Большинство делегатов были присланы от городских профсоюзов Ла-Паса (42 человека), Кочабамбы (19), Оруро (26). В меньшей степени были представлены горнорудные центры Пулакайю (3 чел.), Корокоро (1 чел.), Оруро. Среди делегатов съезда были старые профлидеры анархисты и анархо-синдикалисты ФОЛ, сааведристы и социалисты из ФОТ, а также коммунисты. Среди делегатов были такие видные политические деятели, как Х.Агирре Гайнсбург, Р.Анайя, К.Монтенегро, Ф.Рейнага. Между крайне левым крылом во главе с Х.Агирре и умеренными, сопротивлявшимися навязываемой коммунистами классово-марксистской идеологизации профдвижения, постоянно возникали конфликты, угрожавшие расколом. Умеренные, близкие к военным, социалисты обвинили В.Альвареса в пособничестве троцкистам, «засевшим в

⁴¹⁷ El Diario. 16.09.1936.

⁴¹⁸ La Calle. 25.10.1936.

⁴¹⁹ La Calle. 15.11.1936.

министерстве труда»⁴²⁰. Ему стоило больших усилий примирить стороны и избежать провала задуманного объединения. На съезде была образована Профсоюзная конфедерация трудящихся Боливии (ССТБ). Образование общенациональной конфедерации, ориентировавшейся на крупные союзы промышленных рабочих, шахтеров, железнодорожников, печатников и других, отражало реальные процессы в самом профсоюзном движении, было кульминацией кризиса ремесленных регионалистских организаций ФОТ и ФОЛ.

На съезде была принята программа, представлявшая собой петицию требований к Хунте. В экономической части документа следует выделить радикальные предложения: о передаче государству 40% прибыли горнорудной промышленности (о национализации монополий даже не упоминали), об отмене концессий «Стандард Ойл», о контроле государства над движением валюты и золота, о проведении форсированной индустриализации при активной хозяйственной роли государства. В политической части упоминались реформа конституции и право профсоюзов на участие в выборах⁴²¹. Требования ССТБ не вышли за рамки правительственной программы реформ и идеологических установок «государственно-го социализма». Радикализм рабочего движения не простирался далее положений «программы минимум» Майской революции, то есть подтверждал приверженность принципам, декларированным Хунтой. В этих условиях естественным было принятие резолюции в поддержку «социалистического» правительства.

Во время проведения рабочего конгресса состоялась сенсация: рабочие делегаты отказали в доверии В.Альваресу. Тем самым конгресс выражал неодобрение проектам реорганизации профдвижения, которые вынашивало правительство. В.Альварес ушел в отставку, рассчитывая, что на этот пост будет назначен другой рабочий лидер Габриэль Моисес, получивший большинство голосов на конгрессе. В своем заявлении об отставке В.Альварес напоминал президенту о его обещании назначить нового министра труда из числа предложенных Рабочим конгрессом кандидатур. Свою отставку он объяснял эволюцией вправо режима и своей оппозицией этому новому курсу военных⁴²². В своих высказываниях в прессе он был более категоричен, но не упоминал о результатах голосования на рабочем конгрессе. Он объяснял свой уход из пра-

⁴²⁰ La Calle. 02.10.1936.

⁴²¹ Delgado Gonzalez T. 100 años de lucha obrera en Bolivia. La Paz, 1984. P.109.

⁴²² Заявление В.Альвареса – Д,Торо от 28 ноября 1936 г. - ANB. PG. 1936. C.13. T.127 (PG7250).

вительства невозможностью работать в обстановке преследований его единомышленников и друзей, высылка из страны левых политиков⁴²³.

Д.Торо направил рабочему конгрессу приветствие, в котором обещал сохранить за профсоюзами пост министра труда⁴²⁴. Ход самого конгресса, бурные дискуссии и сильные расхождения во взглядах на будущее рабочего движения разочаровали власти. Д.Торо хотел видеть в конфедерации послушный инструмент в руках правительства. Рабочее движение, по его мысли, должно было превратиться в одно из звеньев государственной машины.

Дискуссии о классовых интересах и независимости пролетариата, доминировавшие на конгрессе, разочаровывали военных. Департамент пропаганды даже опубликовал весьма критическое заявление: «Рабочий класс должен сохранять бдительность перед опасностью раскола, стремиться к взаимопониманию, если на самом деле желает навсегда разрушить остатки феодального прошлого в Боливии и укрепить государственный социализм»⁴²⁵. На конгрессе возникла не послушная правительству корпоративистская структура, а мощное рабочее объединение, с которым предстояло считаться. Избрание «слишком левого» Г.Моисеса, конечно же, повлияло на решение Д.Торо игнорировать договоренности с профсоюзами мая 1936 г. Лево-центристская газета «Ла Кроника» писала в эти дни: «Габриэль Моисес из Оруро является слишком крайним политиком и никак не вписывается в рамки социалистического государства»⁴²⁶. С уходом В.Альвареса правительство сильно поправело.

Некоторое время Д.Торо не назначал министра труда, игнорируя предложения ССТБ. Тем временем лидеры ФОТ Х.Гусман и У.Севильяно не желали терять свою независимость и подчиняться ССТБ, в руководстве которой преобладали люди нового поколения, отмежевывавшиеся от старых анархо-синдикалистских «ремесленнических» лидеров. Враждебность ФОТ и ФОЛ к ССТБ впервые проявилась 9 января 1937 г., когда они отказались участвовать в проправительственной демонстрации. В письме на имя Д.Торо ФОТ упреждала недовольство правительства своими неуклюжими заверениями в преданности и готовности провести свою собствен-

⁴²³ La Calle. 02.12.1936.

⁴²⁴ La Calle. 03.12.1936.

⁴²⁵ La Calle. 08.12.1936.

⁴²⁶ Г.Моисес получил 32 голоса, К.Каприлес от Кочабамбы 27 голосов, В.Альварес, считавшийся безусловным рабочим лидером, занял лишь третье место – 22 голоса.- Delgado Gonzalez T.Op.cit., P.104 - 110.

ную манифестацию в другой день⁴²⁷. Хотя формально все федерации входили в ССТБ, старые профобъединения стремились сохранить свою автономию и проводить самостоятельную политическую линию.

Учитывая отказ Д.Торо принять кандидатуру ССТБ Г.Моисеса на пост министра труда, ФОТ обратилась к президенту со своими предложениями. В письме Д.Торо от 22 декабря 1937 г. ФОТ утверждала: «Не может быть социализма без прямого и активного участия масс; невозможно достичь гармонии труда и капитала без прямого участия трудящихся в управлении производством и распределении. Министерство труда является подлинным органом трудящихся в управлении социалистическим государством, что и является целью Хунты, возглавляемой Вами». ФОТ призывала Д.Торо сдержать слово, данное им рабочим в мае во время революции, и назначить министра из представителей профсоюзов. К этому призыву прилагался длинный список возможных кандидатур, среди которых фигурировали известные синдикалисты ФОТ, в частности сааведристы Э.Сальватьерра, У.Севильяно, социалисты Р.Чумасеро, Ф.Синьяни и другие⁴²⁸. Выдвижение независимых от ССТБ кандидатур на пост министра свидетельствовало о расколе в рабочем движении. Раздоры в профсоюзах укрепили военных в желании проигнорировать ранее достигнутые договоренности о вхождении представителя ССТБ в кабинет министров.

Д.Торо, получив слишком мощную и строптивую ССТБ, воспользовавшись отсутствием единства в рядах профдвижения, и понимая, что Г.Моисес слишком левый для его правительства, отказался от услуг профсоюзных лидеров и назначил на пост министра труда Х.Паса Камперо, который был известен главным образом тем, что был адвокатом горнопромышленника Арамайо.

При вступлении в должность 29 января 1937 г. новый министр труда заявил: «Являясь антагонистическими факторами производства, труд и капитал все же выполняют одну социальную функцию, а посему оба нуждаются в гарантиях, но и должны выполнять свои обязанности во имя гармоничного развития и прогресса страны»⁴²⁹. Он сразу же пояснил своё отношение к рабочему движению. Учитывая задачи политической реформы и обязательной синдикализации, профсоюзы должны развиваться при строгом

⁴²⁷ ФОТ – Д.Торо от 9 января 1937 г. - ANB. PG. 1937. C.13. T.152 (PG7211).

⁴²⁸ ФОТ – Д.Торо от 22 декабря 1936 г. - ANB. PG. 1937. C.13. T.152 (PG7211).

⁴²⁹ El Diario. 20.01.1937.

контроле со стороны государства. Одной из задач упорядочения отношений государства, рабочего класса и капитала должна была стать, по его мнению, разработка и безотлагательное введение в действие Трудового кодекса.⁴³⁰ При новом министре труда изменилась вся политика правительства в рабочем вопросе. Главной темой всех выступлений нового министра было гармоничное сотрудничество труда и капитала.

В русле проведения корпоративистской рабочей политики был издан декрет от 30 марта 1937 г. об участии трудящихся в прибылях предприятий и о росте зарплаты. Был образован общенациональный комитет из представителей трудящихся и предпринимателей, в задачу которого входила разработка принципов участия рабочих в прибылях предприятий. Местные власти должны были создать подобные комитеты на уровне департаментов и провинций.⁴³¹ Эти комитеты принимали решения по повышению зарплаты, по дополнительным выплатам наемным рабочим, контролируя всю финансовую сторону деятельности предприятий. Создание таких органов взаимодействия труда и капитала было призвано снять все экономические причины забастовок. Как и многие другие инициативы правительства Д.Торо, этот декрет остался на бумаге, и никаких практических шагов по его реализации предпринято не было. В министерстве труда также были подготовлены законы о регулировании продолжительности рабочего дня, о создании потребительских рабочих кооперативов, о женском и детском труде.

Хунта проводила гибкую социальную политику, осознавая то тяжелое положение, в котором оказалось большинство населения в результате экономического кризиса и последствий войны. С момента прихода военных к власти в кабинете министров рассматривался проект декрета о гарантированной минимальной заработной плате, который был подписан 1 июня 1936 г. Однако уже 27 июня он был дополнен декретом об увеличении зарплаты по диверсифицированной шкале от 10 до 129% в зависимости от размеров оплаты труда⁴³². От нового закона выиграли наименее оплачиваемые рабочие. Затем 9 марта 1937 г. во время острого политического кризиса Д.Торо вновь увеличил зарплаты и пенсии на 25 – 40 %. К этой мере военных-социалистов подталкивали события на рудниках в Льяльягуа, где рабочие прервали работу и учинили погром в здании управления шахты. Рабочие требовали повышения зарпла-

⁴³⁰ Ibidem.

⁴³¹ Anuario administrativo. 1936. Vol.1. P.629.

⁴³² Alvarez E., W. Op. Cit., P.105.

ты и замораживания цен в продовольственных лавках⁴³³. Принимая экономические меры по смягчению ударов кризиса по широким народным массам, президент рассчитывал на поддержку своей политики со стороны рабочего класса.

Несмотря на гибкую рабочую политику правительству не удалось избежать трудовых конфликтов. Для улаживания спорных вопросов и забастовок при министерстве труда был создан Согласительный арбитраж, возглавляемый заместителем министра. Министерство с горечью признавало, что в течение 1936 г. ему приходилось разбирать «бесконечное множество конфликтов между пролетариатом и хозяевами-капиталистами»⁴³⁴. Чаще всего министерству удавалось добиться компромиссного решения споров профсоюзов с администрацией предприятий⁴³⁵.

При новом министре труда отношения правительства Д.Торо с рабочим движением вступили в полосу охлаждения, а затем и отчуждения. В апреле 1937 г., несмотря на широкий жест с повышением зарплаты, социальный мир был нарушен крупным трудовым конфликтом на рудниках Потоси. К июню 1937 г. забастовочное движение поставило под вопрос само существование режима Д.Торо. С назначением министром труда человека, близкого к клану Арамайю, Д.Торо значительно сократил поле для политического маневрирования. Рабочие лидеры обвиняли министра в том, что он превратил свое ведомство в орган сотрудничества с магнатами олова.⁴³⁶ Отсекая левых или крайне левых, а затем пытаясь надеть хомут классового сотрудничества на профсоюзы, Д.Торо все более терял массовую поддержку народных организаций, полностью попадая в зависимость от армии.

С момента прихода к власти военные-социалисты большое внимание оказывали рабочему движению. Профсоюзы занимали особое место в новом государственном устройстве. Военные рассматривали рабочее движение как своего главного союзника, более того, считали, что сами выражают его интересы. Искренний союз военных и рабочих организаций лежал в основе действий режима в период с мая по декабрь 1936 г. Этот союз обуславливал принятие ряда радикальных мер в политической и социальной сферах. Охлаждение отношений Д.Торо и профсоюзов в начале 1937 г. пол-

⁴³³ Rodriguez Ostria G. Op. Cit., P.102.

⁴³⁴ Отчет министерства труда за второе полугодие 1936 г. - ANB. PG. 1936. C.2. T.127 (PG7250).

⁴³⁵ El Diario.11.09.1936; 12.09.1936.

⁴³⁶ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1937. Informe de 8 de enero de 1937. 31 – 25 – 3.

ностью не разрушило этот союз, но отодвинуло рабочее движение на второй план. Профсоюзы служили серьезным противовесом армии. Опираясь на них, Д.Торо мог рассчитывать на большую самостоятельность и независимость от Генштаба.

**Политическая борьба в период правления
Д.Торо:
июнь 1936 г. - июнь 1937 г.**

В первом после реорганизации Хунты в июне 1936 г. кабинете ключевые министерские портфели получили деятели, заявлявшие о стремлении установить «авторитарно-социалистический» режим, образцом которого для них были Италия и Германия. Речь идет о главе кабинета и министре внутренних дел полковнике Х.Виера, министре обороны полковнике О.Москосо и министре финансов, социалисте Ф. Альваресе Камперо. Х.Виера сразу же дал понять традиционным партиям, что не видит никакой возможности сотрудничества с ними. Когда лидер «подлинных республиканцев» Д.Канелас запросил разрешение Х.Виера на проведение съезда партии, то получил однозначный и резкий отказ министра: «Правительство стремиться найти свою опору и поддержку в политических силах подлинно социалистической ориентации, так как стремится к полной реализации своей программы возрождения страны, и не видит необходимости в существовании своих противников, групп, проповедующих демагогию и традиционный каудильизм. Одним словом, министерство считает, что в Боливии более нет традиционных партий. Правительство предоставляет все политические гарантии только левым партиям, а не традиционным, которые для нас уже не существуют»⁴³⁷. Более того, передвижение по стране многих политиков было ограничено. Разрешение Д.Канеласу для поездки по его личным делам в провинцию давал сам президент Д.Торо⁴³⁸. Ни о каком согласии с традиционными партиями и даже о плюрализме и терпимости не могло быть и речи. Режим декларировал свою идеологическую однопартийность. Социалисты поддерживали репрессии против традиционных партий, и рассчитывали со временем стать единственной официально разрешенной партией в стране.

23 июня 1936 г. социалисты, входившие в Революционный комитет, основали газету «Ла Калье», первым редактором которой

⁴³⁷ Alvarez E. W. Op. Cit., P.132.

⁴³⁸ Распоряжение Д.Торо – МВД от 15 марта 1937 г. - ANB. PG. 1937. C.13.T.156. (PG6875).

стал Н.Педро Валье, затем замененный на известного левого журналиста Армандо Арсе.⁴³⁹ А.Арсе до этого возглавлял сааведристскую «Ла Република» и «Эль Универсаль», а также сотрудничал с журналом «Инти», издаваемом Э.Силесом Суасо. Он приобрел известность в годы войны в Чако благодаря своей антивоенной позиции. А.Арсе придал газете большой динамизм.

«Ла Калье» была самой дешевой и самой популярной газетой в стране. Она использовала новый стиль журналистики, более броский, менее интеллектуальный, максимально приближенный к языку и образам уличного плаката. Вокруг «Ла Калье» объединились практически все социалисты. Этой газете предстояло стать ядром партии Националистическое революционное движение (МНР), политика и идеология которой по сей день определяют лицо страны. «Ла Калье» превратилась в главную идейно-политическую и общественную опору режима «государственного социализма».

Уже во втором номере газета открыла огонь по либералам, обвинив правительство Х.Л.Техада Сорсано в экономическом спаде в горнодобывающей промышленности и даже саботаже. Затем газета стала требовать суда над бывшим президентом и его министром финансов Ормачеа Сальесом, так как обнаружила, что они в обход закона списали с английской фирмы «Фабулоса Майнс Ко.» около 1 млн. боливиано долга по налогам.⁴⁴⁰ Сразу же после разоблачительных публикаций «Ла Калье» 5 июля 1936 г. Д.Торо лично дал распоряжение провести расследование дела «Фабулосы». Хотя прокурор П.Гильен и был заинтересован в забвении этого дела, так как сам был министром в правительстве Х.Л.Техада Сорсано, неуспынный контроль газеты⁴⁴¹ довел дело до Верховного суда. Это была первая успешная антиимпериалистическая акция газеты, когда она смогла продемонстрировать всем свои националистические принципы.

Если социалисты находили общий язык с военными, то марксисты Х.Агирре Гайнсбург, Х.А.Арсе и даже министр В.Альварес все больше вызывали раздражение умеренной части Хунты. Наступление на левых началось в провинции, а затем было поддержано правительством. В одной из докладных записок министр внутренних дел Х.Виера сообщал Д.Торо, что от профсоюзных лидеров на местах поступали жалобы на гонения со стороны префектов и других властей за ведение «социалистической пропаган-

⁴³⁹ Knudson J. Op.cit. P.12.

⁴⁴⁰ La Calle. 30.06.1936.

⁴⁴¹ La Calle. 05.07.1936, 07.07.1936.

ды». Х.Виера заключал, что власти, на самом деле, «выполняют свой долг, не позволяя распространять коммунистические идеи, которые подаются как социалистическая пропаганда». При этом он замечал: «Конечно, надо признать, что обе доктрины имеют много общего, чем пользуются экстремисты, протаскивающие свои анархистские идеи под видом социализма». Вывод Х.Виера состоял в необходимости планомерных репрессий против коммунизма и анархизма. Д.Торо поддержал действия своего министра и местных властей⁴⁴².

Как под влиянием правых, так и в ходе уточнения политических позиций сторон произошло размежевание в стане левых союзников военных. Раскол в социалистической партии на левое и правое крыло стал очевидным в сентябре 1936 г., когда Д.Торо с молчаливого согласия «Ла Калье» провел «чистку страны от экстремистов слева». К.Монтенегро со страниц газет обрушился на левых с обвинениями в коммунизме и интернационализме, что было синонимично национальному предательству⁴⁴³. Он даже припомнил Х.А.Арсе его идею создать КРОП (1929 г.) – Конфедерацию рабочих республик Тихого океана, Боливии, Перу и Чили, в которой Боливия теряла свой суверенитет и становилась частью пролетарской конфедерации⁴⁴⁴.

Под влиянием этой компании 16 сентября 1936 г. Д.Торо издал декрет о запрете коммунистической деятельности и идеологии. О подготовке «антиэкстремистского» декрета было заявлено ещё 26 июня 1936 г., когда были проведены первые чистки, главным образом против сааведристов. Правительство даже указало, кого оно имело в виду под своими обвинениями в экстремизме и коммунизме. Декрет был направлен против ПОР, а, значит, и против её фактического легального фасада – Левого социалистического блока, входившего в свое время в соцпартию, а также против других марксистских групп, таких как Рабочий блок Оруро, Левая группа Кочабамбы и других⁴⁴⁵. Декрет предписывал высылку иностранцев-коммунистов как нежелательных элементов и учреждал полицейский надзор за боливийцами, подозреваемыми в коммунистической деятельности. Многие левые деятели, в основном интелли-

⁴⁴² Записка Х.Виера – Д.Торо от 25 января 1937 г. - ANB. PG. 1937. C.13.T.156. (PG6875). G1-145.

⁴⁴³ La Calle. 14.10.1936.

⁴⁴⁴ МВД использовало КРОП как повод для высылки Х.А.Арсе – Письмо МВД – Д.Торо от 14 января 1937 г. - ANB. PG. 1937. C.13. T.156. (PG6875).

⁴⁴⁵ El Diario. 22.09.1936.

генты, были изгнаны из страны или сосланы в отдаленные провинции.

Признанные лидеры левых Х.Агирре Гайнсборг и Х.А.Арсе были вынуждены попросить политического убежища в мексиканском посольстве. Однако Д.Торо отказался разрешить им выехать из страны и усилил охрану посольства. Все эти мероприятия были представлены как победа национального правительства над интернациональными, космополитическими (читай антинациональными) силами. Д.Торо обвинял многих левых руководителей в шпионаже в пользу Коминтерна и Москвы. Очевидно при этом он опирался на собственный опыт подпольных контактов с коминтерновскими агентами. В ходе длительных переговоров при посредничестве председателя Социалистической партии Х.Тамайо разрешение на выезд Х.Агирре Гайнсборга и Х.А.Арсе было получено, и 24 сентября они были депортированы в Чили.⁴⁴⁶

Репрессии против левых вызвали недоумение в профсоюзах. Среди рабочих и социалистических организаций нарастало беспокойство поправлением правительства. В провинциях усиливались позиции правых сил, что заставляло левых обращаться в правительство с требованиями чисток местного чиновничьего аппарата. Например, Соцпартия Кочабамбы считала, что правительство должно «назначать на все общественные посты лишь с одобрения провинциального руководства партии, немедленно смещать чиновников, не состоящих в соцпартии или не поддерживающих государственный социализм»⁴⁴⁷.

Между тем, режиму так и не удалось создать солидную массовую базу поддержки. Разрыв с левыми марксистскими группами, а затем охлаждение в отношениях с социалистами, группировавшимися вокруг «Ла Калье» создали политическую пустоту, которую правительство стремилось заполнить созданием официозной партии или движения. Под непосредственным наблюдением со стороны министерства внутренних дел 23 декабря 1936 г. был создан Боливийский народный фронт (ФПБ). В него вошли ветеранский союз АНДЕС, Социалистическая партия, Конфедерация трудящихся (ССТБ), марксистские группы «Авансе» и «Социалистический студенческий университет». В обмен на поддержку ЛЕК требовал от правительства государственных постов в центре и на мес-

⁴⁴⁶ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1936. Informe de 25 septiembre de 1936. 27 – 29 – 13.

⁴⁴⁷ Петиция Соцпартии Кочабамбы от 28 ноября 1936 г. - ANB. PG. 1937. C.13.T.153. (PG7543).

тах и более жестких мер в отношении партий, не вошедших в проправительственный блок⁴⁴⁸.

Социалисты рассматривали себя как основу создания однопартийного режима, поэтому охотно подчинялись подобным инициативам МВД. Отсутствие самостоятельной позиции по текущим политическим вопросам подрывало жизнеспособность социалистических партий, фронтов и т.д., сильно ограничивало их влияние на рабочее движение, на народные массы. В руководство ФПБ вошли социалисты А.Мендоса Лопес, Моисес Альварес, рабочий лидер Л.Табоада Авила, студенческий руководитель Сесар Ла Фойе. Новое объединение заявило о своей поддержке «социалистических принципов» правительства Д.Торо и желании объединить все левые силы страны. В воззвании фронта говорилось: «Идеологические разногласия не могут быть препятствием для консолидации сил в строительстве нового социалистического государства, способного обеспечить социальное благополучие непосредственных производителей национального богатства»⁴⁴⁹.

ФПБ не стала массовой политической организацией, оставшись верхушечным образованием, созданным по приказу МВД. Объединение групп социалистической ориентации и профсоюзов в едином фронте оказалось неудачным именно ввиду его слабого авторитета у населения, и правительство решило создать собственную партию. Идея образования Партии государственного социализма (ПСЕ) принадлежала Х.Виера, известному своим страстным преклонением перед Муссолини. Министерство внутренних дел осуществляло координацию действий политиков по формированию новой партии. В феврале – марте социалисты во главе с Х.Санхинесом сформировали сначала «Рабочую организацию государственного социализма», а затем при активной поддержке МВД была создана «Рабочая партия государственного социализма»⁴⁵⁰. Правительственные чиновники разъезжали по стране и организовывали филиалы новой партии, к которой с готовностью примкнули социалисты и военные. Во главе местных отделений партии вставляли префекты и алькальды. 7 апреля 1937 г. с участием многочисленных социалистических организаций была образована Партия государственного социализма (ПСЕ)⁴⁵¹. Членство в

⁴⁴⁸ Письмо ЛЕК к Д.Торо от 16 января 1937 г. - ANB. PG. 1937. C.13.T.152 (PG7211).

⁴⁴⁹ La Calle. 27.12.1936.

⁴⁵⁰ Письмо Рабочей организации государственного социализма – Д.Торо от 2 марта 1937 г. - ANB. PG. 1937. C.13.T.152 (PG7211).

⁴⁵¹ El Diario. 08.04.1937.

ПСЕ было фактически обязательным для государственных служащих и военных на местах.

Единственной официальной партией режима стала ПСЕ, в которую были вынуждены войти ветеранские группы АНДЕС, «Боливия», руководители ССТБ и даже республиканцы-социалисты, то есть весь спектр умеренно реформистских сил. ПСЕ провозглашала своей целью установление в Боливии корпоративного «государственного социализма», основанного на принципах «функциональной демократии». Правительство рассчитывало в недалеком будущем перейти на однопартийную систему, распустив все политические партии и движения, кроме ПСЕ. Создание ПСЕ было логическим шагом в строительстве социалистической вертикали профсоюзы – партия – государство.

На собрании ПСЕ 20 апреля 1937 г. были избраны её руководящие органы. Почетным председателем стал сам Д.Торо. В руководство номинально вошли министры Х.Виера, Э.Финот, Х.Пас Камперо, высшие военные чины генерал Э.Пеньяранда и полковник Х.Буш. Возглавил партию Х.Санхинес⁴⁵². Новая партия претендовала на роль единственной разрешенной. ПСЕ заняла непримиримую позицию по отношению к своим оппонентам как справа, так и слева. Подчеркивая верность социалистическим идеалам, ПСЕ в специальном обращении к Д.Торо 14 апреля 1937 г. потребовала «принять энергичные меры, чтобы искоренить подлую политику наших противников, постоянно сеющих анархию по всей стране»⁴⁵³.

Создание ПСЕ было чисто бюрократической акцией, и факт её существования не изменил расстановки политических сил. Это была верхушечная организация. Когда в годовщину «майской революции» в Ла-Пасе состоялся парад кадров ПСЕ, правительство было неприятно поражено малочисленностью демонстрации, так как, не считая оркестра, по улицам города прошло не более 100 человек⁴⁵⁴.

Ослабление социалистов и охлаждение в отношениях с рабочим движением заставляло искать новых союзников среди других политических партий и групп. Д.Торо охотнее шел на союз с созданной Арамайо Централистской партией. Эта партия была образована для участия в предполагавшихся президентских выборах в мае 1936 г. Кандидатами централистов были К.В.Арамайо и

⁴⁵² Постановление ПСЕ от 20 апреля 1937 г. - ANB. PG. 1937. C.13. T.152 (PG7211).

⁴⁵³ Письмо ПСЕ – Д.Торо - ANB. PG. 1937. C.13. T.152 (PG7211).

⁴⁵⁴ El Diario.17.05.1937.

Х.Сальес. Эта партия представляла собой не столько последний редут консервативных традиционных сил, сколько была выражением умеренных реформистских устремлений отдельных групп олигархии, согласных на некоторые преобразования в политической и социальной сфере во имя сохранения своего всевластия в стране.

После разрыва с левыми в конце 1936 г. и при четко обозначившемся повороте вправо Д.Торо централисты могли стать вариантом построения гражданской политической опоры режима. Они были серьезными конкурентами социалистов в борьбе за влияние на военных. Д.Торо назначил представителя централистов Ф.Гутьерреса Граньера на важнейший пост министра финансов, уволив в отставку социалиста Ф.Камперо Альвареса. Перестановки в правительстве не оставляли никаких сомнений в выбранном курсе на забвение первоначальной программы реформ «государственного социализма».

Фаворитизм Д.Торо, его ангажированность в отношениях с Арамайо не могли не вызвать противодействия со стороны других конкурирующих горнорудных компаний, в частности, «короля олова» С.Патиньо. В феврале 1937 г. Ассоциация горнопромышленников, контролируемая патиньистами, выступила с протестом против травли в прессе Патиньо, организованной, по их мнению, министром труда Х.Пас Камперо, недавним адвокатом Арамайо⁴⁵⁵. Патиньо с готовностью примкнул к противникам Д.Торо в армии, обещая им свою финансовую поддержку в свержении режима. К концу 1936 г. в правительстве Д.Торо осталось фактически только две группы: централисты, партия Арамайо, и военные, поклонники фашизма и нацизма.

Эволюция Д.Торо к более умеренному и даже проолигархическому курсу натолкнулось на оппозицию прежних сторонников режима. В обстановке всеобщего разочарования в деятельности Д.Торо его правительство все более зависело от Генштаба и армии, которые контролировал Х.Буш. В самой армии нарастали оппозиционные настроения среди тех офицеров, которые не видели необходимости в изменении конституционного строя и не принимали идей «государственного социализма». Центром армейской оппозиции стал герой войны в Чако полковник Р.Бильбао, который в свой время был приглашен занять пост министра обороны в правительстве Д.Торо, но отказался, заявив о непризнании конституционности нового режима. В конце 1936 г. Р.Бильбао был вынужден по-

⁴⁵⁵ Ассоциация горнопромышленников – Министерство труда от 15 февраля 1937 г. - ANB. PG. 1937. С.13. Т.153 (PG7543).

кинуть пост председателя ЛЕК, его заменили на лояльного социалиста, бывшего лидера Бета Гамма Х. Суасо Куэнка⁴⁵⁶. Д.Торо с согласия Х.Буша действовал жестко в отношении популярного офицера, ставшего причиной головной боли правительства и Генштаба. Р.Бильбао был вынужден покинуть страну. С оппозицией в армии удалось совладать.

Удаление популярного Бильбао из ЛЕК ослабило саму организацию, спровоцировало расколы в ветеранском движении. Внутри ЛЕК шла постоянная борьба за лидерство. С начала 1937 г. его значение в политической жизни как главной опоры режима стало ослабевать. За ним сохранился лишь символический авторитет первой ветеранской организации. Смертельный удар по ЛЕК нанесла общая бюрократизация всех послевоенных социалистических организаций, к которой привела политика Д.Торо, желавшего интегрировать в государственную структуру все общественные союзы и партии.

ЛЕК, профсоюзы, социалистические группы и партии объединяли в своих рядах многочисленных сторонников режима и просто граждан. Это были самые влиятельные организации, оказавшие решительное воздействие на общественное мнение. Фактически речь шла о формировании новых структур гражданского общества, механизмы действия которого серьезно отличались от предыдущей либеральной политической системы. Формировались новые структуры взаимодействия общественных массовых организаций и властей. Собрания и ассамблеи ЛЕК, профсоюзов и левых партий всегда проводились с участием представителей местных или центральных властей, которые учитывали настроения масс в своей политике. Элементы прямой демократии все чаще находили применение в реальной политике.

Возникновение массовых общественных объединений имело ряд последствий. Во-первых, через них более широкие массы населения, в том числе, рабочий класс, городские низы, включались в политическую жизнь, становились частью гражданского общества, что расширяло социальную базу поддержки режима. Во-вторых, их существование изменило сам характер политической власти. Кастовое, олигархическое государство, демократия для избранных отошли в прошлое. Формировалось современное государство и гражданское общество нового типа, отличающееся от предыдущего необходимостью управления и манипуляции широкими массами структурированного и организованного населения.

⁴⁵⁶ Gallego Margaleff, F.J. Los orígenes del reformismo militar, P.193.

Военные-социалисты, осознавая свою политическую слабость, не могли рассчитывать на успешное проведение своей политики лишь с опорой на инструменты идеологического воздействия и поиска консенсуса в обществе. Огосударствление общественных организаций, бюрократическое управление ими было единственным доступным способом, гарантировавшим успех. Бюрократизация профсоюзов, проправительственных партий и их огосударствление – явления, характерные для национал-реформизма, впервые в Боливии проявились при военных-социалистах. Однако Д.Торо, не создав оси государство - партия – профсоюзы тоталитарного типа, вместо укрепления только ослаблял своих союзников бюрократизацией и механическим подчинением государству общественных групп, поддерживающих правительство.

Пока Д.Торо вел работу по созданию политической опоры режима, его правительство всё более теряло поддержку армии, но было очевидным, что только благодаря начальнику Генштаба Х.Бушу хунта держалась у власти. Между тем, Х.Буш критически относился к деятельности правительства, не видя реальных результатов в осуществлении провозглашенных реформ.

Охлаждение между двумя лидерами революции Д.Торо и Х.Бушем вылилось в начале марта 1937 г. в серьезный политический кризис. Х.Буш неожиданно пригласил редактора газеты "Эль Диарио" и заявил в интервью, что готов уйти в отставку с поста начальника Генштаба⁴⁵⁷. Всем, и, в первую очередь, самому Д.Торо стало ясно, что заявление является прямой угрозой правительству. Х.Буш упрекал кабинет и президента в политиканстве, союзе с олигархическими силами. Главной же причиной конфликта были несогласованные с Х.Бушем действия президента в отношении армии. Так, без консультаций с Генштабом из страны было выслано несколько высших офицеров, что вызвало бурное раздражение Х.Буша. Ещё большее недовольство спровоцировало назначение помимо воли Х.Буша на пост командующего сухопутными силами полковника Кандия. Это был второй по важности пост в вооруженных силах, и Д.Торо стремился иметь там своего ставленника. Ситуация усугублялась тем, что Кандия слыл человеком крайне консервативных взглядов. Он стал известен своим скандальным заявлением, что взятие Мадрида войсками Франко должно отмечаться в Боливии как национальный праздник. Учитывая внутриармейский политический расклад, Х.Буш не мог принять его кандидатуру.

⁴⁵⁷ El Diario. 03.03.1937.

Д.Торо все же удалось погасить конфликт и уговорить Х.Буша отказаться от своих намерений. Одним из сильных аргументов мирного решения спора была концентрация парагвайских войск в районе разъединения сил в Чако. Д.Торо уговорил Х.Буша до окончательного урегулирования отношений с Парагваем на мирной конференции в Буэнос-Айресе не провоцировать внутренних осложнений перед лицом ещё сильного врага, претендовавшего на нефтеносный район Камири⁴⁵⁸. Острый конфликт с Х.Бушем подтолкнул правительство к ускоренному решению вопроса, от которого зависело политическое выживание режима: речь шла о расследовании злоупотреблений периода войны и наказании виновных, а также о национализации «Стандард Ойл».

Важным свершением правительства было расследование злоупотреблений властей и предпринимателей в годы войны в Чако⁴⁵⁹. Страна требовала правды как своего рода реванша за унижение поражения. В декабре 1936 г. была создана специальная комиссия по проверке военных контрактов. Комиссия обнаружила многочисленные аферы с поставками оружия, в которых были замешаны высокопоставленные чиновники, в том числе и в военном ведомстве. С разоблачением воровства и безответственных решений предыдущей администрации Д.Торо предстал как вождь очистительной революции, призванной покончить с коррупцией и аморальностью не только в политической сфере, но и в армии.

Особенно шумным было дело некоего американца Фримана Хиггинса, который во время войны стал подполковником боливийской армии. Хиггинс поставлял боливийской армии бракованное или дефектное военное снаряжение. Его афера нанесла огромный ущерб государственным финансам. Однако, как бы в награду за рвение он получил почетный пост посла Боливии в Гондурасе, а на момент начала следствия уже был боливийским консулом в Осло (Норвегия).

Ещё более скандальными были поставки вооружений, запчастей и самолетов фирмой «Вебстер и Аштон». Предприниматели-аферисты продали одни и те же самолеты Парагваю и Боливии. Получив за них деньги, они их не поставили ни по первому, ни по второму адресу. Позднее эти самолеты были обнаружены у третьего покупателя, частной авиакомпании в Перу, которая получила их

⁴⁵⁸ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1937. Informe de 8 de marzo de 1937. 31 – 25 – 4.

⁴⁵⁹ В октябре 1936 г. был опубликован декрет о расследовании всех контрактов, которые правительство заключило во время войны. - El Diario.25.10.1936.

от перуанского правительства. Проданные ими боеприпасы и снаряжение оказались бракованными и негодными для использования, в то время как армия в Чако испытывала большие трудности со снабжением⁴⁶⁰. Оба коммерсанта были арестованы боливийской полицией. Разоблачения афер с оружием предоставили Д.Торо прекрасную возможность продемонстрировать свой патриотизм.

Громкие дела о коррупции и злоупотреблениях в период войны не могли смягчить остроту ситуации, в которой оказался Д.Торо. Конфликт с армией, а именно с Х.Бушем, охлаждение взаимоотношений с левыми и рабочими организациями образовал вокруг него политический вакуум. Среди ветеранских организаций социалистического толка росло беспокойство топтанием правительства на месте и ростом оппозиционных настроений в армии⁴⁶¹. Форсированное создание ПСЕ и явное желание Д.Торо поменять поддержку армии на солидную гражданскую опору режима вызвали беспокойство среди военных, в том числе и близких к Х.Бушу. Приближался кризис взаимоотношений армии и президента.

Экономическая ситуация в стране ухудшалась с каждым днем, рост стоимости жизни создавал реальные предпосылки социального брожения и недовольства. Представители властей и ПСЕ буквально уговаривали рабочие профсоюзы воздерживаться от забастовок и акций протеста. На одном из митингов известный профсоюзный лидер, получивший пост алькальда шахтерского городка Пулакайо, активист ПСЕ Энрике Г.Лоса говорил: «Правительство не может согласиться ни с забастовками, ни с какими-либо беспорядками. Шахтеры должны принять то повышение зарплаты, какое установит правительство, ибо оно руководствуется социалистическими принципами. Рабочие должны полностью довериться своему социалистическому правительству»⁴⁶². В марте 1937 г. Хунта распорядилась увеличить зарплату всем наемным работникам на 175 %. Экономическими уступками и политическим давлением власти пытались снизить социальную напряженность в обществе.

С конца апреля 1937 г. начались забастовки и демонстрации протеста рабочих в Потоси с требованиями обуздания черного рынка и спекуляций, укрепления национальной валюты и снижения цен. Рабочее движение всё более поворачивалось спиной к

⁴⁶⁰ Письмо прокурора А.Мариака – МИД от 5 февраля 1938 г. - MIN.RR.EE. 1938. M.IN. - 1 – 109 (0112).

⁴⁶¹ Письмо АНДЕС – Д.Торо от 30 марта 1937 г. - ANB. PG. 1937. C.13.T.153 (PG7543).

⁴⁶² Отчет ПСЕ провинции Кихано – Д.Торо от 22 апреля 1937 г. - ANB. PG. 1937. C.13. T.153 (PG7543).

«социалистическому» правительству. Хунта постепенно оказалась в полной политической изоляции. В июле 1937 г. вновь, как и в мае 1936 г., вспыхнула забастовка печатников, переросшая во всеобщую. Рабочие требовали уважения профсоюзной независимости со стороны государства, что подрывало основы обязательной синдикализации и всей политической реформы «государственного социализма»⁴⁶³. Рабочие вновь оказались в авангарде антиправительственных сил. Практически полностью повторялась ситуация мая 1936 г. Было очевидно, что дни режима Д.Торо сочтены.

Экспроприация «Стандард Ойл».

Одним из важнейших событий периода правления Д.Торо была экспроприация американской нефтяной компании «Стандард Ойл». Именно этот акт обеспечил Д.Торо память потомков. Дело «Стандард Ойл» имело не только огромное внутрисполитическое значение, но и общеконтинентальный резонанс.

Благодаря стараниям марксистской и лево-националистической пропаганды общественное мнение Боливии укрепилось в убеждении, что главными виновниками войны в Чако были международные нефтедобывающие корпорации. Националистические политики и журналисты, в частности К.Монтенегро и А.Сеспедес, нашли удобного виновника военной авантюры – американскую нефтедобывающую компанию «Стандард Ойл». Версия, объяснявшая причины войны конфликтом интересов нефтедобывающих монополий «Стандард Ойл», якобы подстрекавшей боливийское правительство к Чакоской аванюре, и «Ройял Датч Шелл», стоявшей за спиной Парагвая, была эффектной и казалась очень убедительной. Она попала на благоприятную почву и была сразу же подхвачена общественным мнением, и широко растиражирована как националистами, так и левыми марксистами. Парагвай активно использовал эту версию в своей антиболивийской пропаганде, представляя войну со своей стороны как антиимпериалистическую и освободительную. Некоторые высказывания Д.Саламанки о желательности получить порт на реке Парагвай для экспорта нефти⁴⁶⁴ служили лишним аргументом в пользу «нефтяной» теории. Хотя на тот момент, и впоследствии с течением времени ни политиками, ни историками не было представлено каких-либо достоверных доказательств выдвинутых в адрес «Стандард Ойл» обвинений, нефтяная

⁴⁶³ Barcelli, A. Medio siglo de luchas sindicales revolucionarias en Bolivia. La Paz, 1957. P.148.

⁴⁶⁴ Mariaca, E.Op.cit., P.53 –54.

подоплека войны в Чако не вызывала сомнений у большинства боливийцев.

Именно в годы войны в Чако производство нефти в Боливии (район Камири) стало значительным и оказывало существенное влияние на экономическую жизнь страны. Общее производство нефти с 1931 г. по 1935 г. увеличилось в 10 раз, с 2160 до 25.979 кубометров в год.⁴⁶⁵ В условиях спада в других добывающих отраслях нефтедобыча демонстрировала поразительные результаты и представляла собой самую перспективную сферу народного хозяйства, тем более, что разведанные запасы нефти находились на территории, не занятой парагвайскими войсками. Парагвай получил те районы Чако, где нефти не оказалось. Многие современники думали, что нефтедобыча сможет затмить могущество горнорудной олигархии. Хотя все эти размышления и ожидания впоследствии оказались необоснованными, в эти годы существовала нефтяная эйфория, а мечтания боливийских националистических экономистов не знали предела. Немалым основанием для оптимизма была динамика мировых цен на нефть, которые практически не были затронуты кризисом 30-х годов. Нефть представлялась эликсиром жизни для экономики.

Оловодобывающие монополии, хотя и интернационализировались, все-таки по происхождению были боливийскими и активно участвовали в политической жизни страны. «Бароны олова» с опаской наблюдали за возрастанием нефтяной опасности, исходящей от американской «Стандард Ойл». Олигархия, хотя и не подхватила версию причин войны, выдвинутую националистами и коммунистами, но и ни разу не выступила в защиту «Стандард Ойл». Боливийская элита нашла в американской компании своего рода «козла отпущения» за поражение в войне. В свою очередь, «Стандард Ойл» действовала настолько вызывающе и высокомерно по отношению к боливийскому государству, цинично нарушая его законы, что санкции против нее были единодушно поддержаны всем обществом.

Ещё при правительстве Х.Л.Техад Сорсано против «Стандард Ойл» был начат судебный процесс по обвинениям в подлоге документов и в умышленном обмане боливийского государства. Обнаружилось, что ещё в 20-е годы компания, заявляя об отсутствии добычи, не только получала нефть, но и тайно экспортировала её, ничего не платя в боливийскую казну. В 1935 г. аргентинские депутаты конгресса сделали достоянием общественности материалы, доказывающие, что «Стандард Ойл» построила и эксплуатировала

⁴⁶⁵ Lopez Rivas, E. Op.cit., P.87.

тайный нефтепровод из Бермехо (Боливия) в Агуас Бланкас (Аргентина), по которому нефть подпольно поставлялась в соседнюю страну, а затем и во враждебный Боливии Парагвай, в то время как сама Боливия должна была закупать нефть за рубежом. Было доказано, что в результате этого мошенничества американская компания обманула боливийское государство на сумму в 26,5 млн боливиано.⁴⁶⁶

Лево-националистические группы, социалисты, среди которых наибольшую активность проявляли «Союз защиты нефти», созданный К.Монтенегро, и газета «Ла Калье», требовали санкций против «Стандард Ойл». «Ла Калье» открыла наступление на компанию, требуя её национализации. Практически каждый номер газеты выходил с соответствующей статьей К.Монтенегро. В одной из них он писал: «Ущерб, причиненный Боливии компанией Стандард Ойл, не может исчисляться только цифрами. Никто не сможет представить себе как бы изменилась наша родина, если бы в её распоряжении была нефть уже 15 лет назад. Мы не впадаем в беспочвенный оптимизм и патриотические иллюзии, когда утверждаем, что сегодня Боливия прошла бы индустриализацию большей части своей территории благодаря чудесному и благодатному воздействию нефтяных богатств. Наш аграрный потенциал был бы несоизмеримо больше и мог бы обеспечить потребности страны и даже снабжать другие страны и народы»⁴⁶⁷. Именно нефть представлялась той панацеей от экономических бед и отсталости во всех сферах народного хозяйства. Вслед за К.Монтенегро все левые партии и движения заразились невероятным оптимизмом и верой в спасительную для экономики страны силу нефтяного бума. Так, ПСЕ направила обращение президенту: «Боливия возвращает себе экономическую свободу и становится в один ряд с первыми нефтяными державами мира. Только государство, и никто кроме государства, имеет право воспользоваться благами, которые несет нефть. Наша валюта укрепится, а народные нужды будут полностью и эффективно удовлетворяться»⁴⁶⁸.

Мощное давление социалистов и однозначное настроение всего общества побудили Д.Торо пойти на решительные действия. Первоначально декретом от 10 июля 1936 г. были аннулированы все нефтяные концессии, на которых не велась добыча или поиск нефти. Из 225 осталось лишь 6, их территория сократилась с 13 млн до

⁴⁶⁶ Valencia Vega, A. Historia política de Bolivia. vol.6. P.1762.

⁴⁶⁷ Montenegro, C. Frente al derecho de Estado.P.72.

⁴⁶⁸ Обращение ПСЕ к Д.Торо от 18 марта 1937 г. - ANB. PG. 1937. C.13. T.152 (PG7211).

380 тыс га⁴⁶⁹. Общество требовало более решительных мер. В октябре 1936 г. в прессе и правительственных кругах обсуждались положения нового закона о нефтедобыче. Левая «Ла Кроника» требовала сокращения срока концессий, даваемых правительством частным компаниям, а также ратовала за больший процент доли государства в добываемом продукте⁴⁷⁰.

В ответ на предложения левых газет в правительство посыпались письма от экономистов и предпринимателей, призывавших к снижению доли государства в добываемой нефти, ссылаясь на трудности транспортировки и организации экспорта из Боливии. Так, Г.Мариака писал: «Низкая государственная доля (регалия) в конечном счете более выгодна государству, так как привлекает капиталовложения, которые дадут в сумме гораздо больший доход»⁴⁷¹. К концу 1936 г. намерения правительства окончательно определились. 21 декабря 1936 г. была создана государственная нефтекомпания по образцу аргентинской – ЯПФБ (Ясимьентос Петролиферос Фискалес Боливианос)⁴⁷².

Поистине историческим актом Д.Торо стал декрет от 13 марта 1937 г. об экспроприации собственности «Стандард Ойл». Правительство Боливии, ссылаясь на нарушения этой компанией налогового законодательства страны, умышленный подлог финансовых документов и контрабанду, объявляло потерявшими силу все концессии, предоставленные компании в Боливии, то есть речь шла о санкциях уголовного порядка против компании, совершившей экономические преступления. Её собственность на территории Боливии переходила в пользу государства. Все действовавшие скважины и нефтеперерабатывающие предприятия передавались в собственность ЯПФБ. «Стандард Ойл» оспорила решения правительства в Верховном суде Боливии, который 8 марта 1939 г. отказал ей в удовлетворении иска.

Это была первая в истории континента экспроприация иностранной собственности в нефтяной отрасли. Однако «военные социалисты» ни в официальных документах, ни в своих выступлениях не говорили ни о восстановлении государственного суверенитета над недрами, ни об антиимпериалистической направленности этого исторического акта. При всей националистической рито-

⁴⁶⁹ Klein, H S. German Busch and the Era of “Military Socialist” in Bolivia // HANR.1965. vol.47, No.2.P.43 – 44.

⁴⁷⁰ La Crónica. 23.10.1936.

⁴⁷¹ Письмо Г.Мариака – министру горнорудной и нефтяной промышленности от 23 октября 1936 г. - ANB. PG. 1936.C.12. T.127 (PG7250).

⁴⁷² El Diario.25.12.1936.

рике речь шла лишь об утверждении приоритета боливийских законов перед лицом наглого и беззастенчивого обмана со стороны частной компании. Подобная аргументация в значительной степени снизила негативные последствия этого смелого решения в отношении иностранного капитала, тем более американского. США осудили «излишний» радикализм действий военного правительства, но не стали предпринимать репрессивных мер против Боливии.

Боливийское государство получило в лице ЯПФБ важный источник пополнения казны, так как производство нефти продолжало расти, несмотря на саботаж со стороны старой администрации компании. ЯПФБ оптимистически смотрела на будущее нефтедобычи. В проведенном в апреле-мае 1937 г. анализе производственного потенциала только района Бермехо специалисты компании пришли к выводу о возможности добычи 4.000 – 4.500 баррелей нефти в день, что в несколько раз превышало официальные цифры «Стандард Ойл»⁴⁷³. Боливийские экономисты с оптимизмом смотрели в будущее.

На первых порах ЯПФБ столкнулась с большими трудностями. Всю техническую и финансовую документацию американские менеджеры вывезли из страны в США. Боливийские власти были вынуждены обратиться за помощью к Мексике по организации работы отрасли. Мексиканская сторона снабдила ЯПФБ образцами технической, бухгалтерской, управленческой документации, помогла в разработке законодательных актов и внутреннего регламента государственной нефтяной компании Боливии⁴⁷⁴. По своему внешнеполитическому эффекту «дело «Стандард Ойл»» поставило Боливию в один ряд с Мексикой и её антиимпериалистическим курсом. Госдепартамент США стал развивать идею об участии в этой акции пронацистских политиков, намекая на «руку» Германии в деле «Стандард Ойл». «Ла Калье» и социалисты, такие как, К.Монтенегро, А.Сеспедес, Д.Фионини, вдохновители экспроприации нефти, были объявлены агентами Гитлера и Муссолини, врагами демократии и США.

Значение экспроприации «Стандард Ойл» в современной истории Боливии огромно. Впервые боливийское государство смогло утвердить приоритет законов и суверенитета страны перед лицом империалистической эксплуатации и презрения представителей великой державы к южноамериканской республике. Это был акт

⁴⁷³ Письмо Д.Фионини – Д.Торо от 14 мая 1937 г. - ANB. PG. 1937.C.13. T.152 (PG7211).

⁴⁷⁴ SRE.México. Legación en Bolivia. 1937. Publicaciones. III – 89 – 4.

утверждения национального самосознания и торжества государственных интересов над частными.

Д.Торо стал родоначальником экономического национализма. После экспроприации нефти логичным представлялась национализация горнорудных монополий, к чему призвала 20 марта 1937 г. ССТБ. В письме на имя Д.Торо ССТБ обвинила горнорудные монополии в подрывных действиях, направленных на разрушение союза военных-социалистов и пролетариата, и призвала применить к «баронам олова» те же критерии, что привели к экспроприации «Стандард Ойл»⁴⁷⁵.

К марту 1937 г. эволюция вправо режима зашла столь далеко, что вопрос об ограничении всевластия монополий, а тем более, об их национализации, о чем говорили в первый период существования «государственного социализма», уже просто не ставился. Принцип экспроприации выходил за рамки стратегии развития, отстаиваемой военными-социалистами, это была своего рода аномалия, дань политическому моменту. Радикализм Д.Торо не распространялся на горнорудные монополии, которые реально господствовали в стране. Вслед за подписью под документом об экспроприации «Стандард Ойл» Д.Торо поставил следующую - под распоряжением о передаче в концессию Арамайо богатейших месторождений золота Типуани и Гуанай.⁴⁷⁶

Наряду с образованием ЯПФБ государство монополизировало всю добычу и распределение нефти. Было создано акционерное общество Национальная компания нефтеторговли, получившая исключительное право торговли нефтью и ее продуктами. Эта мера вписывалась в рамки стратегии национал-реформизма по усилению роли государства в экономике и контроля над богатствами недр страны. Однако этатистская экономическая политика хунты вызвала критику не только со стороны консервативно-либеральных партий, что и следовало ожидать, но и со стороны рабочих организаций, в частности, ФОТ. В письме на имя Д.Торо 11 июня 1937 г. ФОТ критиковала монополизацию нефтеторговли и защищала принципы свободной торговли⁴⁷⁷. Поддерживая экспроприацию «Стандард Ойл», рабочее движение ещё не было готово принять национал-реформистскую модель развития народно-

⁴⁷⁵ Обращение ССТБ к Д.Торо от 22 апреля 1937 г. - ANB. PG. 1937. C.13.T.153 (PG7543).

⁴⁷⁶ Frontaura Argondofia M. Op.cit., P.81.

⁴⁷⁷ ФОТ – Д.Торо от 11 июня 1937 г. - ANB. PG. 1937. C.13.T.153 (PG7543).

го хозяйства, важной составляющей которой был этатизм, при котором профсоюзы утратили бы свою самостоятельность.

После экспроприации «Стандард Ойл» положение правительства Д.Торо укрепилось. Перед лицом внешнего врага все бывшие критики правительства слева сплотились вокруг хунты. Некоторые особо возбужденные этим националистическим актом политики, главным образом, социалисты, выступали с крайне экстремистскими призывами. Руководство ПСЕ призывало правительство «объявить предателями родины всех тех, кто служил «Стандард Ойл», помогая её разрушительной деятельности против страны»⁴⁷⁸. Быстрым решением вопроса со «Стандард Ойл» Д.Торо удалось преодолеть политический кризис, спровоцированный заявлением Х.Буша об отставке. После этой акции Д.Торо вновь нашел в лице начальника генштаба армии своего верного союзника. Д.Торо получил передышку, необходимую для создания гражданской партии, политической опоры режима.

Дело «Стандард Ойл» и образование первого крупного государственного предприятия в добывающих отраслях стало главным свершением правительства Д.Торо. Оно положило начало новой политике государства в сфере использования природных богатств. Регулирование государством эксплуатации естественных ресурсов страны стало главной темой политической жизни в последующие годы. Экспроприация «Стандард Ойл» стала своего рода ориентиром в политике боливийского национализма.

Аграрный эксперимент военных-социалистов в долине Клиса (Кочабамба).

Во время войны в Чако военные, интеллигенция, представители среднего класса, составлявшие основную массу офицерства, в ежедневном общении на фронте впервые смогли почувствовать полиэтнический характер своей страны, непосредственно столкнулись с многочисленными и сложными проблемами коренного населения страны, индейцев аймара и кечуа. Крестьяне-индейцы, призванные в армию, вынесли на своих плечах всю тяжесть войны и горечь поражения. После демобилизации как солдаты-крестьяне, так и их товарищи по оружию горожане, вернулись домой с новым пониманием социальных проблем страны. Они уже не были похожи на тех, кто уходил на фронт в начале войны.

⁴⁷⁸ Обращение ПСЕ к правительству от 12 апреля 1937 г. - ANB. PG. 1937. C.13.T.152 (PG7211).

Придя к власти, военные-социалисты признавали, что «неравенство в распределении земли является главной причиной народных возмущений и остается питательной почвой для пропаганды экстремизма». В первых официальных программных документах нет подробного плана проведения аграрных преобразований. В них лишь указывалось на необходимость «создания Национального патроната, который сможет изучить все вопросы, относящиеся к положению индейцев и их интеграции в цивилизованную жизнь, а также рассмотрит проблему раздела земли»⁴⁷⁹.

Военное правительство создало комиссию по аграрной реформе и запрету бесплатных трудовых повинностей крестьян, понгеахе⁴⁸⁰. В пропагандистских документах Хунты по аграрному вопросу заявлялось: «Освобождение крестьянства – это экономическая проблема. Заниматься его просветительским аспектом – это делать лишь один шаг на длинном пути полного освобождения крестьян. Главное - индеец должен получить землю»⁴⁸¹. В городах создавались «Лиги в защиту индейца», националистическая и левая пресса развернула широкую кампанию с требованиями аграрной реформы. Известный крестьянский руководитель и учитель-индеанист Рафаэль Рейерос писал: «Вновь происходят восстания в Сикасике и в Лахе, снова и снова будут подниматься крестьяне, опять будут репрессии и сгоны с земли, так как уже ясно, что деревня не может больше терпеть, достигнут предел человеческих возможностей»⁴⁸². Признание самой проблемы перераспределения земли было огромным шагом вперед по сравнению с предыдущими годами, когда решение аграрного вопроса виделось исключительно через полную ликвидацию общины и испанизацию индейского населения.

Хотя индейские дела подлежали юрисдикции министерства просвещения, В.Альварес пытался обратиться к аграрной проблеме, исходя из задач министерства труда. В «Плане организации министерства труда», представленном на рассмотрение Хунты, особо подчеркивалось значение решения аграрно-крестьянского вопроса. В нем заявлялось: «Аграрный вопрос имеет огромное значение для социалистического государства, стремящегося регулировать экономическую жизнь, опираясь на принципы справед-

⁴⁷⁹ Gallego Margaleff, F.J. Los orígenes del reformismo militar, P.160.

⁴⁸⁰ El Diario. 01.10.1936.

⁴⁸¹ Gallego Margaleff F.J. Un caso del populismo militar latinoamericano: la gestión de David Toro en Bolivia (1936 - 1937)// Ibero-Amerikanisches Archiv, vol.14, No.4, 1988. S.496.

⁴⁸² La Crónica. La Paz, 16.02.1937.

ливости и ликвидации эксплуатации». В качестве перспективных мероприятий министерство предлагало организовать прямой обмен продукции между планируемыми в будущем профсоюзными кооперативами в промышленности и индейцами-крестьянами, объединенными в сельские профсоюзы, а также обещало подготовить законодательную базу для социализации земли и проведения политики «социалистического экспериментирования в деревне»⁴⁸³. В рамках синдикализации политической и общественной жизни такие проекты могли иметь шанс на успех. Фактически речь шла об обобществлении земли и передачи её в управление крестьянских профсоюзов. Однако военные быстро отошли от этого направления, посчитав его слишком коммунистическим.

Рабочее движение и социалисты во всех своих программах и заявлениях выдвигали требование отмены понгеахе. Министерство труда, возглавляемое В.Альваресом, подготовило и предъявило на усмотрение Д.Торо проект закона об отмене понгеахе⁴⁸⁴. Хотя этот закон не был принят при Д.Торо, его положения полностью вошли в новую конституцию 1938 г. Декларативность этих мер продемонстрировала практика: правительству Г.Вильярроэля (1943 – 1946 гг.), считавшему себя наследником военных-социалистов, пришлось ещё раз в 1945 г. отменять понгеахе. Окончательно эта позорная практика внеэкономического принуждения крестьянства исчезла лишь после Аграрной реформы 1953 г.

Военные-социалисты поддержали движение просвещения индейцев, начатого учителями-энтузиастами в конце 20-х – начале 30-х годов. К 1937 г. в Боливии насчитывалось уже 16 индейских школ. Движение просвещения индейцев захватывало все более широкие общественные круги. Ещё правительство Х.Л.Техада Сорсано приняло закон о бесплатной начальной школе для индейцев. Общины и помещики обязывались совместными усилиями поддерживать эти школы. Военные объявили 2 августа, день годовщины образования школы-айлью в Варисата (департамент Ла-Пас), «днем индейца», который и поныне отмечается в Боливии.⁴⁸⁵ Декрет от 9 августа 1936 г. обязывал всех помещиков создавать школы для крестьянских детей в своих владениях.

⁴⁸³ План организации министерства труда от 15 июня 1936 г. - ANB. PG. 1936. C.12.T.127 (PG7250).

⁴⁸⁴ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1937. Informe de 8 de enero de 1937. 31 – 25 – 3.

⁴⁸⁵ Bonifaz M. Op.cit., P.509. – именно 2 августа 1953 г. В.Пас Эстенсоро подписал декрет об аграрной реформе, что должно было символизировать преемственность «Национальной революции» и военных-социалистов.

Большую дискуссию вызвало поощряемое правительством движение просвещения индейцев. Никто не смел поставить под сомнение саму эту благородную идею. Вместе с тем радикально мыслящие индеанисты обращали внимание общества на суть индейской проблемы – возвращение народам кечуа и аймара общинной земли, захваченной во времена колонии и республики. Социалист А.Камперо Арсе писал: «Без передела земельной собственности просвещение индейцев – это пустая трата времени и средств»⁴⁸⁶. Те же идеи содержали статьи К.Оропеса, который прямо писал: «Ликвидация латифундизма, уничтожение гамонализма, конец феодализма – вот цель. Всё остальное – пустая трата времени. Только радикальная реформа будет логическим актом государственного социализма»⁴⁸⁷.

Сторонникам реформы противостояли защитники помещичьей собственности на землю. Они не могли откровенно выступать против просвещения, поэтому прибегали к лицемерным доводам и предлагали свои планы и проекты постепенного осуществления программы просвещения индейцев. Консерваторы убеждали, что правительству необходимо сотрудничать с помещиками в деле постепенного внедрения школьного образования в деревне. Они настаивали, что школы не должны строиться прямо в поместьях, а находиться в соседних городках в виде интернатов. Тем более они полностью отвергали эксперименты со школами-айлью, где обучали коллективистским принципам и общинной взаимопомощи⁴⁸⁸. Сторонники этих планов убеждали правительство в опасности и вредности индеанистских экспериментов, настаивая на испанизации сельской школы.

Землевладельцы без восторга встретили все эти новшества. Учителя-экспериментаторы и их детища школы-айлью подвергались не только словесным нападкам, но и физическому насилию. И помещики, и метисная элита соседних городков создавали вооруженные отряды, которые при попустительстве полиции громили школы и дома учителей. Социалисты даже предложили создать специальную сельскую полицию, главной задачей которой была бы охрана школ от бесчинствующих мракобесов. Эту идею поддерживал Д.Торо, который во время поездки в Варисату пообещал полную поддержку дела Э.Переса⁴⁸⁹. При военных-социалистах

⁴⁸⁶ Ultima Hora. 25.02.1937.

⁴⁸⁷ Ultima Hora. 02.02.1937

⁴⁸⁸ El Debate. La Paz. 07.02.37.

⁴⁸⁹ La Calle.06.10.1936.

дело просвещения индейцев из общественной инициативы превратилось в общегосударственную политику.

В декабре 1936 г. была создана Генеральная дирекция индейского и крестьянского просвещения, которую возглавил лидер движения просвещения индейцев, основатель школы в Варисате Элисардо Перес⁴⁹⁰. При идейном влиянии левых индеанистов был разработан и введен в действие Устав крестьянского образования. Во многих районах страны создавались школы-айлью, что находило поддержку среди крестьян. Например, в районе Сан-Андрес-де-Мачака, недалеко от Варисаты образовалась целая федерация школ-айлью, объединившая 6 соседних общин⁴⁹¹.

В ноябре 1936 г. в Ла-Пасе состоялся Первый конгресс директоров индейских школ, организованный при поддержке правительства. О значении, которое военные придавали индеанистскому движению, свидетельствовало посещение этого конгресса Д.Торо. Президент в приветственном слове конгрессу сказал: «Я, как и все, понимаю, что речь идет не о пустых речах или социалистических теориях, а о проблеме индейца, которая прежде всего является экономической, а уж потом она может рассматриваться с точки зрения просвещения». По словам Д.Торо, индейца необходимо превратить в активного агента производства и потребления, интегрировать его в рынок. Для этого необходимо просвещение. Далее он добавил: «Главное – это земля, ибо индеец больше всего на свете любит свою землю»⁴⁹². Один из лидеров индейского просвещения Торибио Клауре в ответном слове связал цели освобождения индейцев с «практической реализацией социалистического идеала военного правительства»⁴⁹³. На конгрессе была подтверждена взаимная поддержка движения учителей-индеанистов и военных-социалистов.

Единомышленники Э.Переса действовали в разных точках страны. Э.Перес и Э.Арсе Лоурейро в 1935 – 1936 гг. создали в районе Клиса (Кочабамба) школу, подобную той, что существовала в Варисате. Индеанисты, особенно Э.Арсе Лоурейро, работавший в Кочабамбе, сыграли важную роль в осуществлении аграрных экспериментов правительства Д.Торо. В Кочабамбе в рядах социалистического движения ранее, чем в других районах страны, сформировалось требование принять декрет о запрещении личных

⁴⁹⁰ О нем см. Глава 3.

⁴⁹¹ Письмо крестьян – Д.Торо от 18 февраля 1937 г. - ANB. PG. 1937. C.13.T.152 (PG7211). B.927.

⁴⁹² La Calle.06.11.1936.

⁴⁹³ Antezana L., Romero H. Op.cit., P.53.

услуг понгеахе и митанахе, как и других форм принудительного труда⁴⁹⁴. Именно в Кочабамбе «военные-социалисты» предприняли первые попытки реформирования сельского хозяйства.

Кочабамба имеет ряд особенностей. Долины Кочабамбы были заселены в основном индейцами кечуа и испаноязычными метисами. Это был экономически самый развитый сельскохозяйственный район Боливии. Здесь особенно чувствовался земельный голод. Особо благоприятные климатические условия «вечной весны» и ограниченность сельскохозяйственных угодий рамками долин привели к большой концентрации крестьянского населения. Кочабамба – житница страны – снабжала продовольствием города и горнорудные центры департамента и Альтиплано. Кочабамба за счет собственного производства почти полностью самообеспечивалась зерном и мукой (лишь 6,2 боливиано на душу населения тратилось на импорт продовольствия, в то время как в Потоси – 87,67, а в Ла-Пасе – 64,09 боливиано)⁴⁹⁵. Здесь преобладали средние и мелкие помещичьи хозяйства (66918 поместий, в то время как в больших по размерам сельскохозяйственных площадях департаментах Ла-Пас или Оруро насчитывалось 8507 и 224 поместий соответственно). Размеры хозяйств колебались от пяти до нескольких десятков гектар, хотя встречались и крупные латифундии⁴⁹⁶.

Типичным районом Кочабамбы была долина Клисы. Там находилось поместье Санта-Клара, принадлежавшее монастырю Св.Клары с 1715 г. В начале 30-х годов XX века монастырь передал некоторые свои участки крестьянам-арендаторам, которые скопили деньги, работая на рудниках и фабриках в городах. Затем монахи сдали все поместье вместе с крестьянами в аренду третьему лицу. Как и следовало ожидать, эксплуатация помещиком-арендатором полученных крестьянских хозяйств была чрезвычайно жестокой, из-за чего в октябре 1935 г. в поместье вспыхнуло восстание, во главе которого оказались ветераны Чакской войны братья Дельгадильо. Восставшие были связаны с жителями городка Клиса, где проживало много ветеранов войны. Они свели крестьян с адвокатом, известным марксистом Э.Арсе Лоурейро. Э.Арсе Лоурейро организовал подпольный крестьянский профсо-

⁴⁹⁴ Петиция Соцпартии Кочабамбы от 28 ноября 1936 г. - ANB. PG. 1937. C.13.T.153 (PG7543).

⁴⁹⁵ Censo demográfico. 1950. La Paz, 1952., Comercio exterior. Anuario. 1949. La Paz, 1949.

⁴⁹⁶ Natale R. Revolución agraria en Bolivia. Cochabamba. 1953. P.68.

юз, формальным прикрытием которого стала созданная им сельская школа⁴⁹⁷.

Крестьяне Санта-Клары требовали ликвидации субаренды и передачи им участков в длительную аренду без посредников. В августе 1936 г. крестьяне отправились в Ла-Пас, где с помощью Э.Арсе Лоурейро встретились с министром труда В.Альваресом. Им даже удалось удостоиться аудиенции президента Д.Торо, которому они сообщили, что собрали 80 тысяч боливиано, огромную по тем временам сумму, более чем достаточную для выкупа земли у монастыря. Этот визит произвел огромное впечатление на Д.Торо, который даже в своем новогоднем обращении к нации заявил о своей твердой поддержке профсоюза колонов Санта-Клары.⁴⁹⁸ Помимо Санта-Клары с помощью другого учителя-индеаниста Т.Клауре подобный профсоюз был создан в Вакас, на Альтиплано⁴⁹⁹.

Результатом активной деятельности индеанистов, поддержавших требования крестьян, стала министерская резолюция от 5 ноября 1936 г., утвердившая прямую аренду земли у монастыря, исключавшая посредников. Профсоюз, «используя кооперативную систему производства», брал на себя «техническую и административную ответственность» перед властями и собственником. При гарантиях со стороны правительства крестьянский профсоюз заключил контракт с монастырем. В соответствии с декретом об обязательной синдикализации и на основании министерской резолюции колоны организовали «Профсоюзную сельскохозяйственную ферму Клиса». Особенность этого распоряжения состояла в том, что земля передавалась в аренду не непосредственно каждому крестьянину, а профсоюзу, который организовывал производство. Такое новшество соответствовало идейным и политическим установкам «государственного социализма». Создание профсоюзного кооператива Санта-Клара несло в себе сильную антибуржуазную, антикапиталистическую направленность, свойственную первому этапу существования «государственного социализма».

Внутренний распорядок и взаимоотношения с собственником регулировались специальным постановлением министерства труда⁵⁰⁰. Главным достижением этого решения правительства была

⁴⁹⁷ Dandler H. J. Sindicalismo campesino en Bolivia. Cambios estructurales en Ucupeña. 1935 - 1952. Cochabamba, 1983. P.68 - 69.

⁴⁹⁸ Ibid., P.70 - 71.

⁴⁹⁹ В сентябре 1936 г. в Вакас Т.Клауре организовал школу, а затем профсоюз крестьян - El Diario. 26.09.1936.

⁵⁰⁰ Antezana L., Romero H. Op.cit.P.18 - 22.

ликвидация системы колоната, то есть отмена бесплатных отработок понгеахе и митанахе в пользу помещика (в данном случае монастыря и посредника-арендатора), что означало конец произвола собственников земли в отношении крестьян. В одном из своих выступлений Д.Торо указал на реформу в Санта-Кларе как основу «всей индейской политики социалистического государства»⁵⁰¹. Новая система в Санта-Кларе значительно облегчила участь крестьян, фактически ликвидировав все докапиталистические пережитки в отношениях с землевладельцем. Левые приветствовали передачу земли крестьянскому профсоюзу в Санта-Кларе, видя в этом начало социализации деревни. «Ла Калье» называла эксперимент в Клисе переходной моделью к национализации большей части земли в стране⁵⁰².

Вмешательство министерства труда в отношения и права собственности в деревне, эксперименты с социализацией производства и создание профсоюзных ферм вызвали крайнее беспокойство помещиков, и прежде всего, влиятельного Национального аграрного общества, что было вызвано тем, что эксперимент в Клисе проводился в районе, где преобладали не индейские общины, а помещичьи хозяйства, что было «дурным» примером для округа. Помещики Кочабамбы, не доверяя заверениям правительства в том, что речь идет лишь о попытках новой организации сельскохозяйственного производства, не идущей далее эксперимента, а не об общей направленности аграрной политики, провели специальную конференцию, где прозвучали яростные протесты против каких-либо ограничений их прав собственности на землю⁵⁰³. Наибольшей критике подвергались коллективистские принципы организации жизни «профсоюзной фермы», то есть крестьянского производственного кооператива.

Стараясь успокоить помещиков, составлявших большинство имущих слоев городов, Д.Торо в своем президентском послании подчеркивал, что правительство не собирается немедленно проводить реформу и вмешиваться во все взаимоотношения крестьян и помещиков. Отбиваясь от нападков помещичьей реакции, Д.Торо обещал ограничить свою аграрную политику реформированием той сферы поземельных отношений, которые по закону находились в компетенции государства: речь могла идти лишь о «патронате» над церковным имуществом, что напрямую касалось поме-

⁵⁰¹ La Calle.06.11.1936.

⁵⁰² La Calle.27.10.1937.

⁵⁰³ La Calle. 20.11.1936.

стья Санта-Клара, а также о земельной собственности муниципалитетов и центрального правительства.⁵⁰⁴

В развитие этих положений на свет появился декрет от 22 января 1937 г. Правительство установило новый порядок управления поместьями, принадлежавшими муниципалитетам, монастырям, религиозным орденам. Все эти собственники обязывались разорвать существовавшие арендные договоры с посредниками-управляющими и передать землю в прямую аренду крестьянам, которые должны были организовать сельские профсоюзы и руководствовать в своей деятельности постановлениями министерства труда⁵⁰⁵. Первыми коллективными профсоюзными хозяйствами стали Санта-Клара и Вакас. Режим, ранее применяемый исключительно к этим двум поместьям, теперь распространялся на все подобные случаи.

Военные стремились облегчить положение крестьян, не покушаясь на сам аграрный строй и, главное, на помещичью собственность, на латифундизм. В январе 1937 г. правительство заявило о своем намерении искоренить понгеахе, но ограничилось пропагандистской акцией: по всем сельским школам были разосланы анкеты с вопросами, касающимися «личных услуг». По результатам этого «исследования» правительство собиралось принять решение⁵⁰⁶. Декрет от 25 февраля 1937 г. запретил землевладельцам сгонять крестьян с помещичьей земли без согласия самих колонов. Разрешалось это делать только при отказе крестьян от земледельческих работ. Если же крестьянин отказывался выполнять так называемые «личные услуги», понгеахе или митанахе, помещик не мог потребовать освободить его участок и покинуть поместье. Кроме того, если уж помещик выгонял крестьянина, то был обязан выплатить ему компенсацию. Следить за выполнением этого декрета поручалось Департаменту по индейским делам.⁵⁰⁷ Таким образом, косвенно правительство попыталось поставить понгеахе вне закона. Для уменьшения эксплуатации и угнетения крестьян со стороны традиционных сельских элит и жителей соседних городков был издан декрет от 2 мая 1937 г., запрещавший священникам в деревнях брать плату за регистрацию брака. С этого момента

⁵⁰⁴ Toro D. Informe presentado por el presidente de la Junta militar. La Paz, 1937. P.16.

⁵⁰⁵ Antezana L., Romero H. Op.cit.P.30.

⁵⁰⁶ La Calle.26.01.1937.

⁵⁰⁷ Bonifaz M. Op.cit. P.507 – 509.

брак регистрировался только гражданскими властями и бесплатно⁵⁰⁸.

Правительственные инициативы в аграрной сфере вызвали широкую дискуссию в обществе. Министерство просвещения, в компетенцию которого входили и индейские вопросы, пригласило все политические силы к дискуссии по аграрной тематике. Ежедневно на государственном радио «Ильимани» своими размышлениями по этому вопросу делились Э.Бальдивьесо, Г.Госалвес, Х.Пас Камперо, Р.Пруденсио, Р.Рейерос, К.Салинас Арамайо, Р.Вильярроэль Клауре, А.Гусман, то есть интеллектуалы социалистического или индеанистского направления⁵⁰⁹. Эту программу на радио слушали повсюду, ее детали обсуждали в газетах. Дискуссия возвела аграрную тему в ранг первоочередных общенациональных проблем, поставило её в повестку дня преобразований, подготавливала общество к осознанию неизбежности радикальной реформы.

Эксперимент в Клизе и последовавшие за ним мероприятия были прорывом в аграрной политике боливийского государства. Помимо того, что инициатива военных облегчила положение крестьян в отдельном районе страны, она создала важный прецедент, суть которого состояла в расчистке почвы от полуфеодальных, докапиталистических пережитков, в ликвидации понгеахе и митанахе, пока что только в определенной категории поместий. Законодательство Д.Торо явилось важным шагом в реформировании деревни, так как эти меры покушались на принцип неприкосновенности собственности, гарантированной конституцией и освященной ходом всей республиканской истории Боливии. Вместе с тем политика военных-социалистов в аграрном вопросе не вышла за рамки локального и ограниченного эксперимента, оставаясь по сути патерналистской и все еще консервативной.

Аграрная политика Д.Торо была в определенной степени экстравагантной. Не решаясь, или не желая проводить даже умеренное реформирование деревни, оставляя без изменения латифундистскую систему землепользования и производства, не предпринимая никаких усилий по ликвидации докапиталистических пережитков, попросту говоря, внеэкономического принуждения, Д.Торо перескакивал несколько логических этапов в аграрной политике, фактически проводил социалистический эксперимент в Клизе, где образовывалась профсоюзная ферма, осуществил своего рода обобществление сельскохозяйственного производства в рамках одного поместья. Опыт Санта-Клары так и остался изолированным эпизо-

⁵⁰⁸ Ibid., P.506 - 507.

⁵⁰⁹ El Diario. 25.01.1937.

дом, а аграрные преобразования во всей страны даже не планировались. Эксперимент в Клизе перекликался с похожими поисками мексиканских реформаторов, проводивших эхидальную реформу в Камарка Лагуна.

Аграрная реформа была необходимой и неизбежной, что понимали представители большинства политических сил страны. Огромная заслуга военных-социалистов состояла в том, что задачи аграрного реформирования были переведены в практическое русло. Деревня была разбужена, проведение реформы стало вопросом времени.

Период правления Д.Торо отличался непрерывным поиском и экспериментом во всех сферах экономики и политики. Военные-социалисты пришли к власти без определенного плана действий, да и общество, их гражданские политические союзники не могли им предложить ничего целостного и эффективного. Осознание необходимости проведения реформ толкало их к принятию решений порой непродуманных, порой казавшихся импровизацией и экспериментом.